

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

7

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1951

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ им. М.В.Ломоносова

Дирекция Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР просит читателей — прокурорско-следственных работников присыпать свои отзывы и замечания на материалы, опубликованные в «Следственной практике».

Адрес института: Москва 151, Можайское шоссе, д. № 37/45. Телефон Г 1-20-00, доб. 354, 355 и 356.

Ответственный редактор
настоящего выпуска «Следственной практики»
Государственный советник юстиции
3-го класса
Т. М. Аразуманин

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КРИМИНАЛИСТИКИ В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Перед органами прокуратуры поставлена огромной политической важности задача — добиться в кратчайший срок значительного улучшения качества предварительного следствия. В решении этой задачи немаловажную роль должно сыграть и применение научных методов расследования преступлений.

На протяжении 1949—1951 гг. Прокуратура СССР провела большую работу по оснащению следственного аппарата научно-техническими средствами. К концу этого года закончится рассылка местным органам прокуратуры следственных чемоданов, и, таким образом, все наши следователи будут иметь их в своем распоряжении. Задача заключается сейчас в том, чтобы обучить всех следователей применению научно-технических средств и обеспечить их внедрение в повседневную практику работы каждого следователя.

Еще в декабре 1949 года Генеральный Прокурор СССР в циркулярном письме № 23/245 обязал всех прокуроров лично следить за правильным использованием следственных чемоданов и обеспечить их широкое применение.

Тем не менее внедрение следственных чемоданов в практику проходит недостаточно удовлетворительно. Следственные чемоданы в ряде областей и республик до сих пор еще слабо используются, а обучение следователей применению научно-технических средств производится крайне медленно.

Такое положение есть результат безразличного отношения к этому важнейшему делу со стороны некоторых

прокуроров, результат полного отсутствия контроля со стороны начальников следственных отделов за своевременным вручением следственных чемоданов следователям и проведением с ними соответствующих занятий.

Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики проверил применение следственного чемодана следователями прокуратуры Тульской области. Оказалось, что областная прокуратура плохо организовала работу по внедрению в практику научно-технических средств, имеющихся в следственном чемодане. К моменту проверки (декабрь 1950 года) соответствующее обучение прошла только одна треть всех следователей области. При этом, как выяснилось, обучение это проводилось по сокращенной программе и к тому же на низком уровне. В результате — следователи не в состоянии успешно применять научно-технические средства при расследовании преступлений.

В упомянутом выше циркуляризном письме Генерального Прокурора СССР указывалось на необходимость организовать при прокуратурах фотографические лаборатории. В Тульской области, как и в ряде других краев и областей, ни в одной районной прокуратуре такие лаборатории не созданы. Совершенно очевидно, что это значительно тормозит успешное применение следственного чемодана.

Подобная же картина установлена проверкой в Харьковской области, для прокуратуры которой еще в декабре 1949 года были подготовлены два специальных инструктора по проведению занятий со следователями.

Харьковская областная прокуратура еще в августе 1950 года получила 44 следственных чемодана. Однако до января 1951 года половину этих следственных чемоданов не вручили следователям, фотографические лаборатории ни в областной, ни в районных прокуратурах организованы не были. Следователи Харьковской области, таким образом, были лишены возможности пользоваться следственным чемоданом в своей практической работе.

Прокуратура Московской области в течение марта — октября 1950 года была полностью снабжена следственными чемоданами, которые надлежало раздать всем районным прокуратурам. Но, несмотря на наличие двух инструкторов, обучение следователей области применению следственного чемодана до февраля 1951 года фактически

не производилось. Фотолаборатория же была организована только в одном районе области.

Следственный отдел Московской областной прокуратуры явно недооценил значение научно-технических средств при расследовании преступлений. Вопросы, связанные с применением следственных чемоданов, в план работы не включались, случаи их применения не обобщались, обмен опытом организован не был.

Прокуратура г. Ленинграда, имея 21 следственный чемодан, до апреля 1951 года не обучила ни одного следователя и вообще не уделяла внимания применению научно-технических средств в практике расследования.

Проведенная Всесоюзным научно-исследовательским институтом криминалистики в феврале 1951 года проверка в Прокуратуре Украинской ССР также установила, что и там работа следственного отдела по внедрению следственных чемоданов носит чисто формальный характер, и они большинством следователей не применяются. Фотолаборатории в большинстве прокуратур Украинской ССР тоже отсутствовали. То же выявили проверки в прокуратурах Казахской, Киргизской и Узбекской ССР.

Проверки показывают, что там, где придается серьезное значение вопросам использования научно-технических средств при расследовании преступлений, там находятся и необходимые возможности для организации занятий со следователями, находятся и помещения для организации фотолабораторий.

Образцово поставила обучение следователей применению научно-технических средств прокуратура Свердловской области.

За короткий период времени облпрокуратурой по разработанному для этого плану было проведено четыре восемидневных семинара, на которых обучено 64 следователя районных и городских прокуратур. Изучению следственного чемодана на этих занятиях посвящалось 50 часов. Помимо этого, в течение 15 учебных часов под углом зрения возможности применения научно-технических средств изучались вопросы следственной тактики (осмотр, обыск и т. п.). Такая хорошая организация обучения следователей обеспечила широкое применение в Свердловской облпрокуратуре следственных чемоданов.

Неплохо обстоит дело в прокуратурах Ленинградской и Горьковской областей, где тоже как следует организовали занятия со следователями по овладению научно-техническими средствами расследования. Все следователи обучены пользованию следственным чемоданом.

В настоящее время большинство прокуратур областей, краев и республик уже полностью снабжено следственными чемоданами. Следователи этих прокуратур имеют полную возможность широко применять в своей работе научно-технические средства, что, несомненно, обеспечит повышение качества следствия и усиление борьбы с преступностью.

Следственный чемодан — это тот минимум научно-технических средств, который обязан иметь в своем распоряжении каждый следователь. Научно-технические средства являются необходимым вооружением следователя для раскрытия и расследования преступлений. Проведение таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, выемка, предъявление для опознания, следственный эксперимент, осуществляются эффективно только тогда, когда следователь, хорошо владея криминалистической техникой, умело применяет ее на практике.

Среди некоторых следователей укоренилась неправильная, глубоко ошибочная точка зрения, что научно-технические средства применимы только в «особо выдающихся» случаях. Если спросить такого следователя, почему он не применяет следственный чемодан, он ответит, что в последнее время в его производстве нет «крупных» дел.

В действительности же следователь, хорошо владеющий научно-техническими средствами и умело их применяющий на практике, может использовать криминалистическую технику для успешного расследования почти по каждому делу.

В этом отношении характерен случай, о котором рассказывает народный следователь прокуратуры Аркадакского района Саратовской области П. И. Медведев в своей статье «Умело изъятый след — важное доказательство по делу».

Следователю сообщили, что в овраге, возле колхозного тока, обнаружены две ямы, в которых спрятана пшеница. Было ясно, что зерно похищено с колхозного тока,

но установить, кто совершил хищение, почти не представлялось возможным. Следов или других вещественных доказательств на месте происшествия обнаружено не было. Недостачи зерна на колхозном току не установили. Во время обмолота пшеницы и нахождения зерна на колхозном току доступ к нему имел большой круг лиц, а это, естественно, особенно затрудняло расследование.

Следователь настойчиво пытался обнаружить хотя какой-нибудь след, оставленный преступником на месте преступления. Настойчивость дала свои результаты. После того как зерно было выбрано из ямы, следователь, осматривая внимательно ее стенки, обнаружил в нескольких местах оттиски железной лопаты, которой, повидимому, рылась яма и утрамбовывались ее стенки. С одного наиболее ясного следа лопаты следователь сделал гипсовый слепок. Установив лицо, которые бывали на колхозном току, когда там находилась пшеница, следователь произвел у них тщательные обыски. У колхозника Малюгина при обыске была обнаружена лопата, внешние контуры и характерные особенности которой напоминали следы, обнаруженные на стенках ямы. Сличение гипсового слепка с изъятой у Малюгина лопатой наглядно это показало.

Малюгин был обвинен в хищении колхозного зерна, и народный суд, признав обвинение доказанным, приговорил расхитителя к длительному сроку лишения свободы.

Так след лопаты, обнаруженный на стенке ямы, помог изобличить преступника.

Однако при расследовании по данному делу была допущена существенная ошибка. Следователь не организовал криминалистической экспертизы. Надо было снять с обнаруженной у Малюгина лопаты экспериментальный гипсовый слепок и направить его в криминалистическую лабораторию на экспертизу вместе с самой лопатой и с гипсовым слепком со следа, обнаруженного на стенке ямы. Такой экспертизой следователь закрепил бы полученное им доказательство и тем самым исключил бы возможность возвращения дела на доследование при отказе обвиняемого от своих показаний.

В статье «Тщательное исследование обстоятельств дела обеспечивает раскрытие преступления» описано умелое использование криминалистической техники при

расследовании так называемого рядового дела. Кража личных вещей у гр-на Вальского была успешно раскрыта, и преступник был изобличен в значительной степени благодаря правильному использованию пальцевых отпечатков, обнаруженных на месте преступления.

При осмотре места преступления часто обнаруживаются следы пальцев рук, оставленные преступником на гладких и полированных поверхностях некоторых предметов (настольное стекло, стакан, бутылка, электролампочка и т. д.). Обнаружение следов пальцев протоколируется, а затем эти следы фиксируются путем фотографирования или переноса их на специальные пленки. Иногда, если это возможно, изымаются и сами предметы со следами пальцев. Обнаруженные на месте преступления пальцевые отпечатки дают возможность сравнить их с пальцевыми отпечатками лиц, заподозренных в совершении данного преступления. При установлении экспертизой тождества сравниваемых отпечатков следователь получает важное доказательство того, что заподозренное лицо было на месте преступления (если, конечно, этот предмет не был принесен на место преступления), и следователю остается установить, при каких обстоятельствах заподозренный оставил там следы своих пальцев.

Органы советской милиции проделали большую работу по усовершенствованию дактилоскопического метода регистрации и по применению его в борьбе с преступностью. Однако следственные органы еще слабо владеют этим методом. Достижения дактилоскопии не находят еще должного применения в следственной практике. Ценность дактилоскопии не только в том, что она используется как метод регистрации преступника, но и в том, что пальцевые отпечатки, обнаруженные на месте преступления, являются серьезной уликой. Между тем не очень часто в производстве следователя можно найти дела, по которым пальцевые отпечатки фигурировали бы в качестве вещественных доказательств. Это объясняется прежде всего тем, что многие следователи не владеют методами дактилоскопии и недооценивают значение пальцевых отпечатков как доказательств.

Обнаружение пальцевых отпечатков на месте преступления не представляет больших трудностей. Как методы

обнаружения, так и изъятия пальцевых отпечатков достаточно подробно описаны в руководстве по применению следственного чемодана, где имеются все необходимые принадлежности для обнаружения, закрепления и фотографирования пальцевых отпечатков.

Надо помнить, что наличие пальцевого отпечатка вкупе с другими уликами может дать достаточные основания для вынесения обвинительного приговора.

При осмотре квартиры Вальского, из которой была совершена кража, следователь обратил внимание на осколки разбитого стекла. При тщательном осмотре на них были обнаружены отпечатки пальцев. На основании данных осмотра возникло правильное предположение о том, что преступник проник в квартиру через разбитое окно. Отпечатки пальцев на осколках стекла могли быть оставлены преступником, когда он вынимал их из рамы окна.

Среди заподозренных в совершении кражи был некто Слухин, проживающий в одном доме с потерпевшим. При сличении пальцевых отпечатков Слухина с пальцевыми отпечатками, обнаруженными на осколках стекла, было установлено их полное совпадение. Слухин, однако, категорически отрицал свое участие в краже, и следователь, не имея против Слухина других улик, вынес постановление о прекращении дела.

В связи с этим интересно вспомнить первый в России случай дактилоскопической экспертизы в суде по делу об убийстве провизора аптеки в С.-Петербурге в 1912 году. Тогда, как и теперь, при краже вещей Вальского, на месте преступления был обнаружен кусок разбитого стекла со следами пальцев на нем. Подозрение в совершении преступления пало на сторожа аптеки и его знакомого Алексеева. Произведенным исследованием было установлено, что отпечаток пальцев на стекле имеет сходство с рисунком пальцев Алексеева. Заключение экспертизы послужило основанием для привлечения Алексеева в качестве обвиняемого. Подсудимый категорически отрицал свою причастность к убийству провизора. Защитник по делу доказывал, что на основании одного пальцевого отпечатка нельзя признать кого-либо виновным в совершении преступления. Защитник начал свою речь таким заявлением: «Сегодня в русском суде

держит экзамен дактилоскопия. Может быть, вы ей поставите пять с плюсом, но я не сомневаюсь, что ей придется держать перезаменовку».

Суд присяжных признал Алексеева виновным в совершении убийства. Через две недели после вынесения приговора Алексеев признался в совершении убийства профилактория аптеки.

С тех пор дактилоскопия значительно усовершенствовалась. Особенно больших успехов достигла советская дактилоскопия, ставшая научной системой и предоставляемая в распоряжение следователя научно обоснованные данные. При этих условиях факт прекращения следователем дела в отношении Слухина заслуживает особого внимания.

Совершенно правильно поступил прокурор, когда он не согласился с прекращением дела и поручил ведение следствия более квалифицированному следователю. Последний, правильно используя полученные доказательства, в том числе и пальцевые отпечатки, доказал виновность обвиняемого. Суд признал Слухина виновным в совершении кражи и приговорил его к лишению свободы.

В этом выпуске «Следственной практики» несколько статей посвящено вопросам использования фотографии при расследовании преступлений. Известно, что судебная фотография является основой криминалистической техники. Поэтому понятно, что каждый следователь должен в совершенстве овладеть методами судебной фотографии, ибо без этого немыслимо успешное использование научно-технических средств, имеющихся в следственном чемодане.

Судебная фотография может быть с пользой применена следователем при осмотре места происшествия, трупа, вещественных доказательств, при предъявлении для опознания, при обыске, следственном эксперименте и т. д. Судебная фотография дает возможность следователю выявить и закрепить доказательства, которые при обычном осмотре могли бы остаться незамеченными, так как позволяет исследовать в предмете такие детали и незначительные оттенки, которые человеческий глаз не в состоянии отметить. Фотографирование места происшествия или отдельного вещественного доказательства должно предшествовать всем другим методам исследования. Фо-

тографический метод исследования не вносит никаких изменений в обстановку места преступления, чего другие методы гарантировать не могут. Поэтому осмотр места происшествия и изъятие отдельных предметов в качестве вещественных доказательств может последовать только после того, как все место происшествия сфотографировано.

Следственная практика знает немало случаев, когда судебная фотография способствовала раскрытию преступления. Об одном из таких случаев рассказывается в статье следователя прокуратуры Краснодарского края Г. И. Ахмелькина «Опознавательный фотоснимок помог раскрыть преступление».

В сентябре 1950 года в Прокуратуру СССР поступило заявление от гр-ки Захаренковой о том, что ее dochь, Елена Захаренкова, в июле 1946 года выехала с мужем Бунчужным из г. Таллина и с тех пор никаких сведений о себе не дает. Захаренкова заявила, что первоначально муж ее дочери сообщил, будто собирается с женой выехать за границу, однако это оказалось неверным.

Следственный отдел прокуратуры установил, что Бунчужный проживает в станице Динская Краснодарского края, причем дочери Захаренковой — Елены — с ним не было, а проживал он со своей первой женой Екатериной Андреевной Бунчужной. В связи с возникшим предположением об убийстве Елены Захаренковой было возбуждено уголовное дело.

Следователь т. Ахмелькин, умело ведя расследование по делу, установил, что в последний раз исчезнувшую Елену Захаренкову видели 17—18 августа 1946 г. у родителей Бунчужного в станице Усть-Лабинская. По их словам, Захаренкова вместе с мужем, примерно 17—18 августа 1946 г. выехала в Краснодар, откуда больше не возвращалась.

Далее следствие установило, что 18 августа 1946 г. на левом берегу Кубани, против Краснодарской пассажирской пристани, был обнаружен труп молодой женщины, личность которой тогда не была установлена. Фотоснимок трупа неизвестной женщины в деле сохранился. Мать исчезнувшей Захаренковой по фотоснимку трупа опознала в нем свою dochь.

Умело используя все собранные по делу доказательства, следователь предъявил Бунчужному обвинение в

убийстве Елены Захаренковой. Обвиняемый отрицал свою причастность к убийству, однако собранные по делу доказательства полностью его изобличили. Суд осудил убийцу к лишению свободы.

Об удачном использовании судебно-оперативной фотографии говорится в статье «Применение криминалистической техники при расследовании хищения из несгораемого ящика». При помощи судебной фотографии следователем П. Н. Столяренко, производившим расследование по этому делу, было доказано, что мастичный отиск печати каким-то острым предметом отделялся от денежного ящика. Следы отделения мастичной печати особенно наглядно были видны на увеличенном фотоснимке.

Некоторые следователи недооценивают значения фотографии при расследовании преступлений и иногда применяют фотоаппарат только для получения несложных иллюстративных снимков. Между тем фотография, фиксирующая обстановку места происшествия и отдельные вещественные доказательства, является существенным дополнением к протоколу осмотра и придает ему большую наглядность и убедительность. Однако фотографирование места происшествия надо производить таким образом, чтобы фотографический снимок был сам по себе убедительным доказательством по делу. О попытке такого использования судебной фотографии рассказывается в статье народного следователя прокуратуры Щекинского района Тульской области С. А. Киреева «Фотоаппарат в действии».

Тов. Кирееву пришлось фотографировать труп самоубийцы, который первоначально был заснят висящим в петле, а затем — после того, как его вынули из нее. Когда т. Киреев фотографировал труп, не было еще известно, имело ли место здесь убийство или самоубийство. Вследствие этого фотографирование необходимо было произвести более подробно с тем, чтобы снимки помогли выяснить этот вопрос. На петле и в месте прикрепления петли могли быть обнаружены следы (например, направление ворсинок на веревке), которые свидетельствовали бы о том, что труп подвесили уже после того, как удушение было произведено другим способом, и что в данном случае не было самоповешения.

Например, по одному делу следователь сфотографировал труп, висящий в петле. При этом крупным масштабом следователь сфотографировал ноги трупа, одетые в чистые белые носки, в то время как труп висел на дворе в месте, где была непролазная грязь. В дальнейшем этот момент помог следователю изобличить преступника, который сначала задушил свою жертву, а потом вынес на руках во двор и симулировал картину самоповешения.

В статье В. И. Пальцева «Роль мелких вещественных доказательств при расследовании хищений» рассказывается о методах закрепления полученных доказательств.

3 августа 1950 г. постовой милиционер задержал на улице двух мужчин, один из которых нес в мешке тяжелый бидон с краской. Задержанный Рыдченко признался, что бидон с краской похищен с завода «Ростсельмаш». Однако впоследствии Рыдченко изменил свои показания и заявил, что бидон с краской был найден им на свалке.

Следователь, тщательно исследовав обстоятельства дела, собрал необходимые доказательства, изобличающие Лихачева и Рыдченко в хищении краски с завода. Немалую роль сыграл и внимательный осмотр места происшествия и вещественных доказательств. Вместе с тем следует заметить, что следователь прошел мимо одного очень важного обстоятельства. Бидон с краской, отобранный у задержанных Лихачева и Рыдченко, был в мешке. Надо было немедленно выяснить, кому принадлежит этот мешок и в каких целях он был взят. Утверждение Рыдченко, что бидон с краской был найден на свалке, опровергалось тем обстоятельством, что бидон при задержании Лихачева и Рыдченко был в мешке. Это означало, что они запаслись мешком с целью хищения бидона со склада, и вовсе не нашли бидон на свалке.

О том, какое значение для успешного расследования преступлений имеет умело проведенный осмотр места происшествия, говорит статья народного следователя прокуратуры Петрокаменского района Свердловской области А. Е. Шубина «Тщательный осмотр места происшествия обеспечил успех расследования».

Осмотр места происшествия — очень важное следственное действие, и часто от качества произведенного осмотра зависит дальний

успех расследования преступления. Поэтому очень важно, чтобы следователь хорошо подготовился к осмотру и прежде всего, выезжая на место происшествия, имел с собой научно-технические средства, необходимые для обнаружения, сортирования и закрепления, а также изъятия следов и различных предметов, которые могут быть вещественными доказательствами по делу.

Должно быть непреложным законом для каждого следователя: при выезде на место происшествия всегда иметь при себе следственный чемодан. К сожалению, до сих пор на практике это элементарное требование не соблюдается.

Народный следователь прокуратуры Даугавпилского района Латвийской ССР т. Шелюбский 25 октября 1950 г. совместно с представителями органов милиции и судебно-медицинским экспертом выехал в деревню Юкше, где были убиты члены семьи Куницких. При осмотре места преступления вокруг дома и во дворе, а также и в самом доме были обнаружены следы ног человека. Ни следователь, ни представитель органов милиции следственного чемодана при себе не имели. В результате обнаруженные следы не были сфотографированы и с них не были сняты гипсовые слепки. Это упущение привело к тому, что в дальнейшем нельзя было установить, сколько человек участвовало в совершении преступления.

Вот еще примеры. 6 января 1951 г. на дежурство в прокуратуру г. Киева явился следователь прокуратуры Печерского района т. Яновский, не имевший при себе следственного чемодана. Во время дежурства следователю необходимо было выехать на фабрику, где произошел несчастный случай со смертельным исходом. Имея при себе следственный чемодан, т. Яновский сфотографировал бы место происшествия и некоторые особенности положения потерпевшего. Однако этого сделано не было, и впоследствии в деле отсутствовали важные доказательства.

Следователь прокуратуры Ленинского района г. Киева т. Брагилевская прибыла на место происшествия, не имея с собой следственного чемодана. Так как при осмотре необходимо было зафиксировать ряд моментов,

т. Брагилевская вынуждена была отложить осмотр до прихода работников милиции, которые имели при себе необходимые научно-технические средства.

Таким образом, отсутствие у следователя следственного чемодана при выезде на место происшествия часто приводит к утрате важных вещественных доказательств, которые не могут быть восстановлены.

Народный следователь т. Шубин, получив сообщение об ограблении конторы Петрокаменского химлесхоза, хорошо подготовился к осмотру и, выезжая на место происшествия, имел при себе следственный чемодан. В результате обнаруженные на ступеньках крыльца следы ног, оставленные преступниками, обувь которых была испачкана кровью, были сфотографированы. Сфотографированы были и другие следы, а также все место преступления в целом.

При осмотре на стекле электрической лампочки были обнаружены отпечатки пальцев. С убитых Бабайловой и Курмакова сняли дактилоскопические отпечатки. Это необходимо было сделать потому, что не исключалась возможность оставления пальцевых отпечатков, обнаруженных на электролампочке, самими потерпевшими.

Собранные и закрепленные соответствующим образом доказательства помогли следователю быстро раскрыть преступление и изобличить преступников.

Решающее значение в успешном и быстром раскрытии данного преступления сыграл правильно проведенный осмотр места происшествия и умелое использование следователем научно-технических средств криминалистики.

В следственном чемодане имеются многочисленные научно-технические средства для работы со следами. Эти научно-технические средства позволяют следователю обнаружить, собрать и закрепить следы пальцев рук, следы ног человека и животного, следы транспортных средств, следы орудий взлома.

О таком успешном использовании следов рассказывается в статье Б. Т. Антоненко «Следственный чемодан помог раскрыть хищение».

Расследуя дело о хищении электросчетчиков, следователь горпрокуратуры т. Иоффе обнаружил при обыске

у одного из обвиняемых щипцы - кусачки, рукоятки которых были обмотаны изоляционной лентой. Это навело следователя на мысль, что щипцы использовались для откусывания электрических проводов. Чтобы проверить это предположение, следователь собрал на некоторых местах происшествия концы проводов, которые были перекусаны щипцами при хищении электросчетчиков. Щипцы-кусачки и изъятые концы проводов были отправлены на криминалистическую экспертизу. Сопоставление плоскостей срезов проводов, взятых на местах происшествия, с плоскостью среза, воспроизведенного с помощью щипцов-кусачек, позволило установить, что эти срезы были сделаны данными щипцами-кусачками. Это явилось важным доказательством виновности обвиняемого, у которого следователь при обыске нашел щипцы-кусачки. По этому же делу следствием были успешно использованы также отпечатки пальцев, которые оказались на месте преступления.

Какое значение для успешного раскрытия преступления имеет умелая работа со следами, показано также в статье народного следователя прокуратуры Красногорского района Московской области В. В. Братковской «Следы ног человека помогли раскрыть поджог».

Трудность расследования поджогов объясняется тем, что как самим пожаром, так и при его тушении уничтожаются те следы и предметы, которые были оставлены преступником на месте преступления. Когда следователь прибывает на место пожара, он, обычно, обнаруживает там большое количество следов, оставленных лицами, принимавшими участие в тушении пожара, или просто любопытными. Кажется, почти невозможно найти следы преступника. Вот здесь-то и нужна настойчивость следователя и внимательное изучение всей обстановки происшествия.

Следователь т. Братковская правильно поступила, что, прибыв на место пожара, стала искать следы не только около горевшего дома, но и на окружающей дом местности. В результате в огороде, расположенному вблизи дома, она обнаружила следы ног человека. Выбрав наиболее ясный след, т. Братковская сфотографировала его и изготовила гипсовый слепок. Впоследствии, когда у заподозренного в поджоге

Румянцева произвели обыск, у него изъяли сапоги и изготовили экспериментальные гипсовые слепки их подошв. На основании слепков криминалистическая экспертиза пришла к заключению, что вдавленный след, обнаруженный на месте происшествия, оставлен каблуком левого сапога, изъятого при обыске у Румянцева.

Под тяжестью собранных по делу доказательств Румянцев признался, что поджег дом.

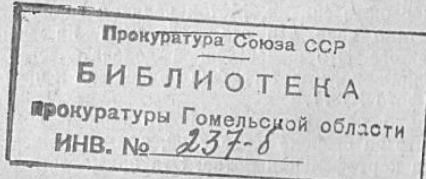
Так хорошее знание следователем криминалистической техники и умелое использование ее на практике помогло раскрыть такое сложное преступление, каким является умышленный поджог.

Материалы, опубликованные в настоящем выпуске «Следственной практики», опровергают неправильное представление о том, что научно-технические средства применимы только при расследовании так называемых «крупных» дел. Вот почему в этом выпуске помещены статьи, в большинстве своем рассказывающие о применении научно-технических средств при расследовании так называемых «рядовых» дел.

Задача заключается сейчас в том, чтобы добиться такого положения, при котором использование научно-технических средств было бы не исключительным, а повседневным явлением в практической работе каждого следователя.

Директор Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры Союза ССР

Государственный советник юстиции 3-го класса
С. П. МИТРИЧЕВ

2 Следственная практика, вып. 7

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

Народный следователь прокуратуры
Красногорского района
Московской области
юрист 3-го класса
В. В. БРАТКОВСКАЯ

СЛЕДЫ НОГ ЧЕЛОВЕКА ПОМОГЛИ РАСКРЫТЬ ПОДЖОГ

28 июля 1950 г. семья колхозницы П. С. Ковалевой, как обычно, улеглась спать в 11 часов вечера. Во втором часу ночи Ковалева, спавшая на террасе, проснулась от какого-то подозрительного треска и через щель в потолке увидела пламя на чердаке, где сушилось сено. Ковалева подняла тревогу, и пожар удалось быстро ликвидировать.

Вместе с работниками пожарной инспекции я и районный прокурор выехали на место происшествия в деревню Петрово. Со мной, как всегда при выездах на место происшествия, был следственный чемодан.

При осмотре на чердаке дома Ковалевой я обнаружила моток хлопчатобумажных ниток, в котором были завернуты серные спички. Моток издавал запах керосина. Мне стало ясно, что его забросили на чердак с целью поджога. Это вещественное доказательство было сфотографировано, и фотография приобщена к протоколу осмотра (фото № 1).

Тщательно осматривая местность вокруг дома, мы увидели, что на огороде Ковалевой, примыкающем к дому, помята картофельная ботва. Эта примятость образо-

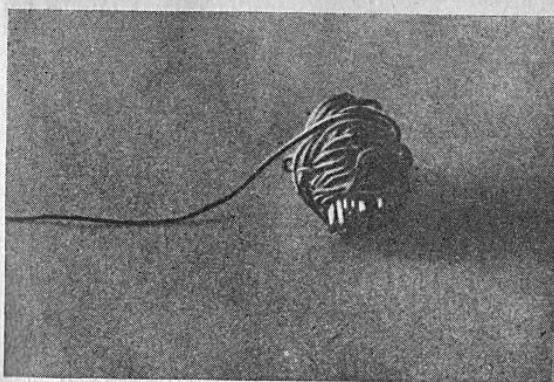

Фото № 1. Моток хлопчатобумажных ниток с серными спичками

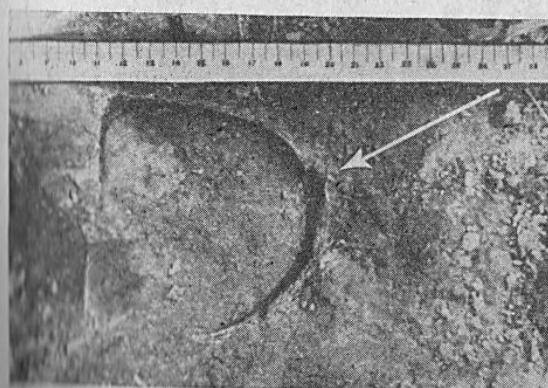

Фото № 2. След, обнаруженный между картофельными грядами.

вывала узкую полосу, которая обрывалась в конце огорода. Предположив, что преступник прошел именно по этой тропинке, я внимательно исследовала ее.

Картофельная ботва на огороде была высокой и густой, а почва сухой, почему ясных отпечатков следов я не могла найти. Однако в одном месте, между картофельными грядами, мною был обнаружен довольно ясный отпечаток каблука. (фото № 2). Чтобы в дальнейшем установить, кем именно оставлен след, я решила его закрепить и изъять. Прежде всего я сфотографировала его по правилам масштабной фотографии, с применением насадочной линзы. Затем при помощи гипса, который имеется в следственном чемодане, я изготовила гипсовый слепок отпечатка каблука.

Одновременно для разыска поджигателя была применена служебно-розыскная собака. Она пошла по следу и привела к дому № 25 рабочего поселка, расположенного на расстоянии двух с лишним километров от деревни Петрово, и остановилась у двери комнаты, где проживал А. С. Румянцев.

Мы немедленно произвели у него обыск, при котором обнаружили хлопчатобумажные нитки, похожие на те, которые были найдены с завернутыми в них спичками на месте пожара. Изъяты были сапоги Румянцева. Каблук одного из них очень напоминал каблук, след которого мы нашли на тропинке, протоптанной в огороде Ковалевой.

При личном обыске Румянцева мы обратили внимание, что как из кармана его пиджака, так и от его рук шел запах керосина.

Из-под ногтей Румянцева была изъята грязь, также пахнувшая керосином.

После этого Румянцеву было предложено помыть руки. Воду, которой он при этом пользовался и которая пахла керосином, перелили в бутылку и запечатали ее.

Румянцев был немедленно допрошен. Отрицая какую бы то ни было причастность к поджогу, он заявил, что 28 июля, как и обычно, весь день проработал на заводе в г. Тушино и, освободившись в 1 ч. 40 м. ночи (29 июля), не заходя домой, уехал в Москву, где и был до утра.

В целях проверки и установления, где находился с 1 ч. 40 м. ночи Румянцев, он был тщательно допрошен, но

его объяснения были крайне сбивчивы и путанными и вызывали серьезные сомнения в их правдивости.

Эти сомнения усилились, когда выяснилось, что Румянцев знаком с Ковалевой и был в близких отношениях с ее дочерью.

После задержания Румянцева были допрошены Ковалева, ее дочь и ряд других лиц. Показаниями этих свидетелей устанавливалось, что Румянцев, сойдясь с дочерью Ковалевой, переселился в дом Ковалевых. Вскоре, однако, Румянцев стал пьяствовать. Напиваясь, он избивал дочь Ковалевой. В середине июля 1950 года Румянцева перестали пускать в дом Ковалевых, и он неоднократно грозил им расправой.

После допроса свидетелей Румянцев был арестован. Свою виновность в поджоге он продолжал отрицать.

Имея в виду, что в уличении Румянцева могут сыграть очень важную роль изъятые мною вещественные доказательства, я назначила криминалистическую экспертизу.

На экспертизу были направлены: гипсовый слепок, снятый со следа каблука, обнаруженного на месте происшествия; экспериментальные гипсовые слепки с каблуков сапог, изъятых при обыске у Румянцева, самые сапоги; моток хлопчатобумажных ниток, с завернутыми в него спичками, найденный на месте пожара; хлопчатобумажные нитки, изъятые при обыске на квартире у Румянцева; грязь, взятая из-под ногтей пальцев рук Румянцева; вода, в которой были обмыты его руки, и пиджак, находившийся на Румянцеве в момент его задержания.

На поставленные следствием вопросы экспертиза дала следующие ответы:

1. Вдавленный след, обнаруженный на месте поджога, оставлен каблуком левого сапога, изъятого у Румянцева.

2. Хлопчатобумажные нитки с завернутыми в них спичками, обнаруженные на месте пожара, тождественны ниткам, изъятым при обыске у Румянцева.

3. На подкладке кармана пиджака Румянцева имеются пятна керосина.

4. В воде, которой были обмыты руки Румянцева, и в грязи, изъятой у него из-под ногтей, имеется керосин.

Установить, однороден ли этот керосин тому, которым были смочены на месте преступления нитки, экспертиза не сумела из-за малого количества керосина.

Располагая такими доказательствами, изобличающими Румянцева в поджоге, я предъявила ему обвинение и приступила к допросу его в качестве обвиняемого.

Вначале Румянцев продолжал отрицать свою вину, повторяя данные им ранее показания, однако, когда в процессе допроса он убедился, что полностью уличен в поджоге заключением экспертизы, показаниями свидетелей и другими материалами дела, он признал себя виновным и показал, что, желая отомстить Ковалевым, переставшим пускать его к себе, он решил совершить поджог их дома. 28. июля, взяв с собой моток хлопчатобумажных ниток, он завернул в них серные спички, смочил моток керосином и, положив его в карман, унес на работу. По окончании работы на заводе, во втором часу ночи, он забросил нитки со спичками на чердак дома, где хранилось сено, и зажег оставшийся у него в руках конец нитки, после чего убежал.

Румянцев был признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 19 и ч. 2 ст. 175 УК РСФСР, и осужден.

Народный следователь прокуратуры
Петрокаменского района
Свердловской области
юрист 1-го класса

А. Е. ШУБИН

ТЩАТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ОБЕСПЕЧИЛ УСПЕХ РАССЛЕДОВАНИЯ

26 мая 1950 г. директор Петрокаменского химлесхоза Бояршинов и работники конторы химлесхоза Крылаева и Ширинкина, явившись к 8 часам утра на работу, обратили внимание, что оконные ставни конторы закрыты. Ранее таких случаев не было: сторож Бабайлова всегда к началу работы успевала убрать контору и открыть ставни. Бояршинов, Крылаева и Ширинкина решили, что Бабайлова проспала, и направились во двор, куда выходит окно комнаты, где проживала Бабайлова.

Во дворе, возле калитки, они увидели валявшийся на земле паспорт на лошадь «Щеглок», обычно хранившийся в столе Бояршина вместе с остальными документами. На ступеньках крыльца явственно были видны капли крови.

Предположив, что Бабайлова убита, Бояршинов, не заходя к себе в контору, из соседнего учреждения позвонил по телефону в прокуратуру. Рассказывая о произшедшем, он высказал подозрение, что сторожа могли убить рабочий Мурзинского лесоучастка Курманов и уволенный с работы в Алабашинском лесоучастке Ку-

стов, которые накануне, 25 мая, остались ночевать в конторе.

В 9 часов утра я вместе с прокурором района т. Тарасовым прибыл на место происшествия и приступил к осмотру.

При осмотре территории двора мы обнаружили, что на воротах имеются бурые пятна, похожие на кровь. Такие же, т. е., видимо, кровяные пятна, были обнаружены и на заборе. Проба этих пятен на кровь перекисью водорода дала положительную реакцию.

На ступеньках и площадке крыльца оказались кровяные следы ног. Особо ясным был один след, оставленный ногой, обутой в резиновую чуню. Этот след я сфотографировал крупным масштабом.

На двери конторы был крючок, но в момент осмотра она не была заперта. Никаких следов взлома на двери не имелось.

Войдя в комнату, мы увидели, что на полу, лицом вниз, в луже крови лежит человек. Несмотря на пролом черепа и большое количество крови, вытекшей из раны, человек этот подавал признаки жизни: тело его вздрагивало. Бояршинов опознал в нем рабочего Анатолия Кустова. Последний был немедленно отправлен в больницу.

Продолжая осмотр, мы заметили на полу еще одну лужку крови и рядом с нею резиновые сапоги, портняжки и шапку. От лужи в соседнюю комнату, где находилась бухгалтерия конторы, тянулся кровавый след (фото № 1).

Ящики всех письменных столов, находившихся в комнате, были взломаны, а документы и бумаги разбросаны по полу (фото № 2).

На печи лежал труп Бабайловой. Голова ее была размозжена. На трупе были, кроме того, следы ножевых ранений.

В связи со всеми этими обстоятельствами, не ожидая судебно-медицинского эксперта, который должен был прибыть из соседнего города, мы вызвали врача районной больницы и с его участием продолжали осмотр.

На полу в комнате бухгалтерии лежал труп рабочего Курманова, которому были нанесены раны в область головы и туловища (фото № 3).

Как выше указывалось, сапоги, портняжки и шапка Курманова лежали на полу в первой комнате, рядом с

Фото № 1. Кровавый след и лежащие на полу предметы одежды убитого Курманова.

Фото № 2. Стол директора химлесхоза.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

лужей крови. Судя по кровяному следу, можно было предположить, что раненый Курманов или сам переполз в другую комнату, или был кем-то перетащен туда.

В бухгалтерии не оказалось металлической кассы, весившей около 20 кг. Ее оторвали от пола, к которому, судя по имевшимся следам, она была привернута шурпами.

Ящики стола в кабинете директора химлесхоза были взломаны, и оттуда исчезли 8 паспортов на лошадей,

Фото № 3. Труп Курманова.

трудовая книжка техника Нечкина, две расчетные книжки на имя директора, технический паспорт на автомашину марки «ЗИС» и различные справки.

В приемной директора мое внимание привлекла неподашенная электрическая лампочка, висевшая на шнуре под потолком. При внимательном осмотре на ее поверхности были обнаружены похожие на кровь темные пятна, представлявшие собой пальцевые узоры.

Как оказалось, лампочка включалась путем довертывания ее в патрон. Были основания предполагать, что

лампочку включил преступник для того, чтобы при свете взломать стол и искать нужные документы.

Я составил протокол осмотра места происшествия, его схематический план, произвел (нужное, с моей точки зрения) фотографирование и изъял вещественные доказательства.

Лампочка, на поверхности которой имелись следы пальцев, была мною срезана вместе с электрошнуром и надлежащим образом упакована для направления на экспертизу.

На месте происшествия были дактилоскопированы убитые Бабайлова и Курманов, так как не исключалась возможность, что отпечатки пальцев на лампочке могли быть оставлены ими.

Дав указание отправить трупы в больницу для вскрытия, я закончил осмотр места происшествия, длившийся девять часов.

В то время как я осматривал помещение конторы, прокурор района организовал осмотр леса, прилегающего к населенному пункту, в котором находилась контора. Мы предполагали, что преступник или преступники из опасения быть замеченными не стали далеко нести с собой металлическую кассу и при первой возможности постарались ее вскрыть или спрятать до наступления темноты.

Однако поиски кассы в лесу оказались безуспешными.

В тот же день на самолете прибыли работники Свердловского областного управления милиции со служебно-розыскной собакой, но она ничем не помогла следствию.

Прилетевшему на самолете из Свердловска хирургу не удалось спасти Кустова, и он, не приходя в сознание, умер вечером того же дня. Таким образом, надежда на то, что Кустов расскажет о преступлении, жертвой которого он явился, исчезла.

Допросом на месте кассира конторы Колесниковой было установлено, что накануне, т. е. 25 мая, она получила в банке 28 300 руб., из которых в кассе оставила только 3172 руб., а остальные деньги были отправлены на лесоучастки для выдачи рабочим заработной платы.

Пятна крови на заборе натолкнули нас на мысль произвести тщательный осмотр находящегося за забором

берега реки Нейвы. Для проведения этой операции мы привлекли работников милиции.

На этот раз поиски увенчались успехом: на тропинке, тянущейся вдоль берега, была найдена рассыпанная махорка и обертка от нее. На последней имелись пятна крови. Это дало основание предположить, что преступник или преступники после совершения преступления перелезли через забор и, спустившись к реке, пошли по ее берегу.

Несмотря на то, что на берегу реки были густые заросли ивняка, мы его весьма тщательно осмотрели. Этот кропотливый труд не пропал даром: около берега, в воде, на глубине 45 см мы нашли металлическую кассу, похищенную из бухгалтерии химлесхоза. Выходящим из воды концом кожаного поясного ремня касса была привязана к стволу ивы, наклонившейся над рекой.

Когда мы извлекли кассу из воды, то увидели, что она не вскрыта. Касса была обвязана двумя поясными ремнями. Один из поясов имел металлическую никелированную пряжку с горизонтальными линиями и кругом, в центре которого была выгравирована пятиконечная звезда. Второй пояс имел медную пряжку с изображением горизонтальных линий и двух прямоугольников (фото № 4 и № 5). Кассир Колесникова открыла кассу. В ней оказалось 3172 руб., т. е. сумма, ранее названная кассиром Колесниковой.

Вся обстановка места происшествия, применение при убийстве двух орудий, а также наличие двух поясных ремней, которыми была обвязана касса, говорили о том, что преступник был не один.

У нас возникло предположение, что преступление совершили лица, работающие в химлесхозе, ибо посторонние не могли знать о получении кассиром денег и о том, где находится та касса, куда деньги были положены на хранение; аналогичный железный ящик, находящийся в кабинете директора, был не тронут.

Прокурор остался на месте руководить оперативными действиями работников милиции, а я поехал на лесоучастки с целью установления лиц, отлучавшихся накануне с места работы и жительства. Кроме этого, передо мной стояла задача найти владельцев ремней. Решить эту задачу было трудно, так как в радиусе 70 км име-

лось 20 лесоучастков химлесхоза. Я решил начать работу с самого ближнего от места обнаружения кассы лесоучастка. Часов в 10 вечера я прибыл в село Мокроус-

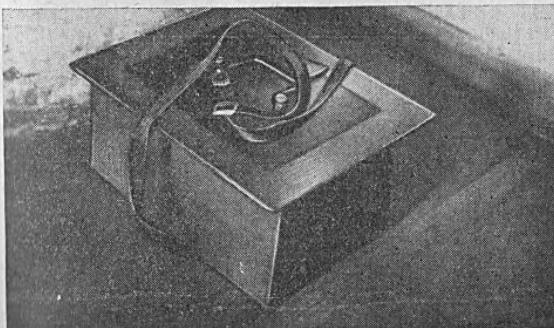

Фото № 4. Извлеченный из реки касса, обвязанная ремнями.

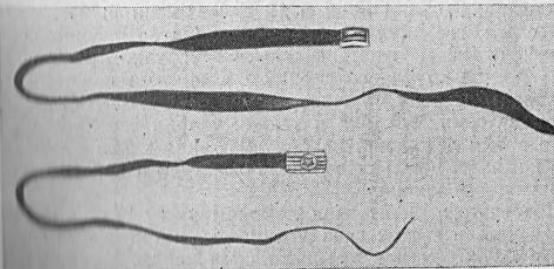

Фото № 5. Ремни, снятые с кассы.

са, находящееся в 10 км от Петрокаменска, и немедленно приступил к допросам работников лесоучастка.

Результаты были малоутешительными, ничего интересного для дела я не установил. Допросом рабочего Маслова я решил закончить свое пребывание в Мокроусе и поехать на второй лесоучасток. Мас-

лов также ничего нового мне не сообщил, но, когда я положил перед ним ремни, он внимательно их осмотрел и заявил, что пояс с такой же медной пряжкой имеется у проживающего вместе с ним рабочего Емельянова. Пояс же с никелированной пряжкой он видел у приятеля Емельянова — рабочего Васильева-Васильцева. Кроме того, Маслов сообщил, что вчера, 25 мая, поздно вечером Емельянов ушел, как он говорил, в Петрокаменск; домой он вернулся только утром и попросил у него одежду, ибо свою он будто бы запачкал.

Емельянов и Васильев-Васильцев были мною задержаны и доставлены в Мокроусский сельсовет, где я допросил Емельянова. Он действительно оказался одетым в одежду Маслова, не соответствующую его росту.

Задав Емельянову несколько общих вопросов, я неожиданно для него предъявил ему ремни и тут же предложил рассказать об убийствах и похищении кассы. Емельянов сознался в совершении этого преступления и показал, что, узнав 25 мая из разговоров работников химлесхоза о получении заработной платы для рабочих и служащих, он, взяв с собой небольшой ломик и кинжал, отправился в Петрокаменск с целью совершить ограбление кассы. Придя в 12 часов ночи в контору химлесхоза, где, кроме сторожа, было двое рабочих, он попросился переночевать. Когда все уснули, Емельянов нанес несколько ударов ломиком и ножом спавшему с ним рядом на полу мужчине, потом убил сторожа, подошел к другому мужчине и также ударили его ломиком. В это время лежавший на полу мужчина упал в соседнюю комнату. Емельянов отправился туда и добил раненного ударами кинжала.

После этого он оторвал ломиком кассу от пола и стал искать в столах свои документы, которые были им сданы в контору для прописки. Не найдя документов, Емельянов завернул кассу в фуфайку и, выйдя к берегу Нейвы, пошел по тропинке, посыпая ее махоркой на случай, если по его следам будут пущены служебно-розыскные собаки. Он спрятал кассу в воду с тем, чтобы на следующую ночь вскрыть ее. После этого Емельянов вернулся домой, в Мокроусску.

Показания Емельянова совпадали с обстоятельствами, установленными при осмотре места происшествия. Однако я считал, что Емельянов не мог совершить это

преступление один, хотя он и настаивал на том, что это было именно так. Обнаружение же на кассе ремня его приятеля Емельянов объяснил тем, что этот пояс он взял у Васильева-Васильцева перед тем, как отправился в химлесхоз.

Я произвел обыск в квартире Емельянова, но ничего не нашел. Указать, где находится его одежда, которая была на нем в момент совершения преступления, Емельянов отказался. Обыск у Васильева-Васильцева, который категорически отрицал свою причастность к преступлению, также ничего не дал. Обнаружение принадлежащего ему ремня на похищенной кассе он объяснил так же, как и Емельянов.

В 2 часа ночи, т. е. через 18 часов после обнаружения преступления, Емельянов и Васильев-Васильцев были мною препровождены в Петрокаменск и заключены под стражу.

Теперь надо было закрепить признание Емельянова и изобличить Васильева-Васильцева.

Утром я снова выехал в Мокроусску и произвел в квартире Емельянова повторный обыск. Он оказался более успешным, чем первый: в хлеву были найдены зарытыми в навоз его ватная фуфайка, брюки, рубашка, юбочка и кепка. На всех вещах имелись пятна краснобурого цвета. Недалеко от квартиры Емельянова, на берегу реки, были обнаружены зарытыми в землю похищенные из конторы документы: паспорта на лошадей, две расчетные книжки Бояршикова, трудовая книжка Нечкина и технический паспорт автомашины «ЗИС». На некоторых документах имелись пятна и мазки темнобурого цвета.

Одежду и документы с пятнами я направил на судебно-медицинскую экспертизу, которая установила, что эти пятна являются кровью человека.

Виновность Емельянова была доказана. Оставалось установить участие в этом преступлении Васильева-Васильцева, который продолжал категорически отрицать свою вину.

При обыске на квартире у Васильева-Васильцева я нашел его костюм. На костюме в отдельных местах имелись темнокрасные пятна. Однако при исследовании их лаборатории оказалось, что это не кровь. Были также

изъяты принадлежащие Васильеву-Васильцеву резиновые чуни, которые вместе с фотоснимком следа ноги, обнаруженного на крыльце конторы, я направил на криминалистическую экспертизу.

Не дожидаясь результатов экспертизы, я продолжал выяснять роль Васильева-Васильцева в преступлении.

Супруги Казанцевы, на квартире у которых жил Емельянов, показали, что 25 мая вечером после выпивки, Емельянов и Васильев-Васильцев куда-то ушли и вернулись только в 4 часа утра.

Четверо жителей села Мокроусска показали, что, когда они около 10 часов вечера 25 мая возвращались домой, встретили на шоссе Емельянова и Васильева-Васильцева, шедших по направлению к Петрокаменску.

Свидетель Путилова, на квартире у которой жил Васильев-Васильцев, показала, что 25 мая он ушел из дома еще до ее возвращения с работы и вернулся только утром, причем рука его была перевязана.

Все эти показания косвенно уличали Васильева-Васильцева, но и после очных ставок с этими свидетелями Васильев-Васильцев продолжал отрицать свое участие в преступлении. Емельянов же признал, что вечером 25 мая был с Васильевым-Васильцевым на шоссе, но заявил, что, отойдя 1 км от Мокроусска, Васильев-Васильцев в результате выпивки обессилен и в состоянии опьянения улегся на косогоре, где и заснул. В Петрокаменске, утверждал Емельянов, Васильев-Васильцев не был.

Медицинское освидетельствование Васильева-Васильцева установило, что на внутренней поверхности указательного пальца и мизинца его правой руки имелись две резаные раны. Объяснения Васильева-Васильцева о том, что он эти раны причинил себе утром 25 мая, во время работы на лесочастке, были опровергнуты не только показаниями Путиловой, но и мастера лесоучастка Палкина, который сообщил, что, когда 25 мая под вечер он выдавал зарплату Васильеву-Васильцеву, никаких повязок или ран у него на руке не было.

Тогда я сделал соскобы пятен крови, обнаруженных на воротах и на заборе конторы, вместе с образцом крови, взятой врачом у Васильева-Васильцева, направил на судебно-медицинскую экспертизу. Однако ввиду ма-

лого количества крови, имевшейся в соскобах, группу крови экспертиза установить не смогла.

Сразу же после ареста Емельянова и Васильева-Васильцева я произвел их дактилоскопирование. Их дактилокарты вместе с дактилокартами убитых и электрической лампочкой со следами пальцев, изъятой на месте происшествия, были направлены на криминалистическую экспертизу в г. Свердловск.

Экспертиза установила, что отпечаток пальца руки на электрической лампочке оставлен указательным пальцем левой руки Васильева-Васильцева.

Исследование кровяного отпечатка обуви, сфотографированного мною на крыльце конторы, показало, что этот след оставлен правой чуней, изъятой при обыске у Васильева-Васильцева.

В дополнение ко всем ранее собранным данным удалось получить новые свидетельские показания. Рабочие Николаев и Хлевина опознали Емельянова и Васильева-Васильцева и показали, что еще 22 мая Емельянов и Васильев-Васильцев заходили в бухгалтерию конторы и проковали, насколько прочно касса прикреплена к полу.

На очной ставке с Николаевым и Хлевиной Емельянов подтвердил их показания.

Таким образом, Емельянов и Васильев-Васильцев были полностью изобличены в совершении преступления. Одновременно с собиранием доказательств по делу я произвел проверку личности обвиняемых. Оказалось, что Васильев-Васильцев ранее судился за кражу и грабеж, а Емельянов разыскивался следственными органами Молотовской области за ограбление пяти человек. Было установлено, что облигации и рубашка, изъятые при обыске у Емельянова, им похищены у гр-на Петрова в г. Молотове. В паспорте у Емельянова имелась фиктивная отметка 3-го отделения милиции г. Молотова о выписке.

Признанием Емельянова, подкрепленным криминалистической экспертизой документа, было установлено, что эту отметку сделал он сам.

Орудий преступления мне найти не удалось. Емельянов заявил, что ломик и кинжал он бросил в реку, и указал место, где это было, но, так как дно реки в этом месте было илистым, найти ничего не удалось.

Так за короткий срок было раскрыто и расследовано тяжкое преступление.

Большое значение для быстрого и успешного следствия по этому делу имели правильная организация и оперативное осуществление ряда действий, направленных на установление всех обстоятельств преступления и лиц, его совершивших. В деле расследования главную роль сыграл внимательный и детальный следственный осмотр как самого места происшествия, так и прилегающей к нему местности, ибо именно в результате этого осмотра и были получены ценные вещественные доказательства, при помощи которых удалось не только обнаружить, но и полностью изобличить преступников.

Народный следователь прокуратуры
Аркадакского района
Саратовской области
юрист 2-го класса
П. И. МЕДВЕДЕВ

УМЕЛО ИЗЪЯТЫЙ СЛЕД — ВАЖНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ДЕЛУ

Утром 13 сентября прокурору Аркадакского района позвонил по телефону председатель правления колхоза имени В. П. Чкалова Княжев и сообщил, что недалеко от колхозного тока в овраге обнаружены две ямы с пшеницей.

Из сообщения председателя правления колхоза можно было предположить, что кто-то спрятал зерно в ямы с тем, чтобы потом его похитить. Дав указание Княжеву выделить людей для охраны ям с зерном, прокурор района поручил мне выехать в указанный колхоз и провести там проверку, а в случае необходимости — возбудить уголовное дело и начать расследование.

В тот же день я прибыл в колхоз. Из беседы с Княжевым и бригадиром колхоза Алексеевским, обнаружившим ямы с зерном, мне стало ясно, что имело место хищение зерна. В связи с этим мною было возбуждено уголовное дело, и я приступил к расследованию.

Ямы, как оказалось, находились в восьми километрах от села. Они были вырыты в овраге, расположенном в 50 метрах от колхозного тока. Обе ямы были наполнены

зерном и засыпаны сверху тонким слоем земли. Я произвел осмотр местности вокруг этих ям, но никаких следов там не обнаружил.

Осторожно сняв слой земли, покрывавший зерно, я с помощью колхозников, приглашенных в качестве понятых, приступил к изъятию зерна. В результате выяснилось, что в ямах было спрятано 380 кг зерна.

Выбрав зерно, я приступил к осмотру самих ям и на земляных стенах обнаружил отчетливо видные оттиски железной лопаты, которой рылись ямы. Судя по размеру и форме оттисков, это была маленькая лопата с ромбовидным лезвием. Стало ясно, что эти следы могут помочь найти того, кто рыл яму. С одного наиболее ясного оттиска лопаты я сделал гипсовый слепок.

Так как слепок пришлось снимать с оттиска, находящегося на вертикальной стене ямы, то я предварительно изготовил формочку, которая препятствовала стеканию гипса, и, окружив ее оттиск, залил его раствором гипса. Оформив изъятие следа лопаты протоколом, я вернулся в село и приступил к допросам.

Из показаний колхозников удалось установить, что колхозный ток, недалеко от которого бригадир колхоза Алексеевский случайно обнаружил ямы с зерном, в ночное время охранялся двумя сторожами — Малюгиным и Шишкановым. Однако в процессе следствия выяснилось, чтоочные сторожа не сменяли друг друга; были случаи, когда Шишканов приходил позднее или уходил раньше Малюгина.

Днем ток охранял сторож Букоткин. Кроме того, днем на току работали колхозники, туда часто приезжали бригадир и председатель правления колхоза. В десяти метрах от тока проходит проселочная дорога, по которой днем происходит большое движение.

Никаких других данных по делу я собрать не смог.

Сторожа категорически отрицали свою причастность к хищению пшеницы с тока.

Все обстоятельства, установленные мною, говорили о том, что хищение пшеницы могло быть совершено только ночью. Исходя из этого, я решил произвести обыск у Малюгина и Шишканова.

При обыске у Шишканова я обнаружил и изъял одну лопату. При обыске у Малюгина мною были обнаружены

ны и изъяты две лопаты, в том числе одна маленькая, военного образца, с ромбовидным лезвием.

При сличении лезвий изъятых лопат с гипсовым слепком, снятый мною с оттиска, обнаруженного в яме, сравнительным исследованием было установлено, что лезвие маленькой саперной лопаты, изъятой у Малюгина, совпадает с оттиском как по размерам, так и по форме. Свидетель Княжев показал на допросе, что, будучи по-

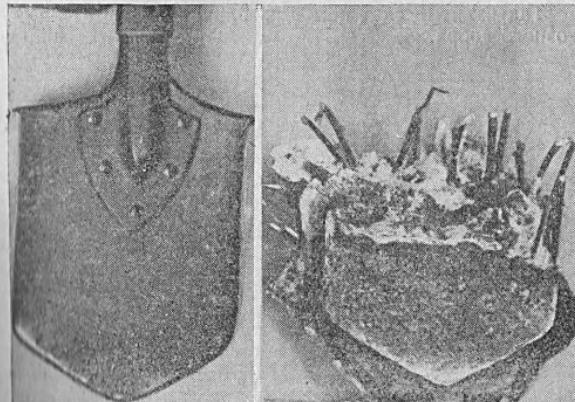

Фото № 1. Лопата, изъятая у Малюгина, и гипсовый слепок следа лопаты, обнаруженного в яме с зерном.

пятам при обыске у сторожа Малюгина, слышал, как последний выругал свою жену за то, что она не выполнила его приказания и не убрала маленькую лопату.

Лопату и слепок с оттиска я сфотографировал и приобщил фотографии к протоколу допроса.

Необходимо было установить, какого урожая зерно, обнаруженное в яме. Для этого образец зерна, завезенный в токи вкладовые колхоза, и образцы зерна, изъятые им, я направил на агротехническую экспертизу, которая установила полное сходство зерен.

Малюгину было предъявлено обвинение по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Малюгин виновным себя в хищении зерна не признал.

Закончив в короткий срок следствие, я направил дело в народный суд, который признал вину Малюгина доказанной и приговорил его за хищение зерна к лишению свободы с конфискацией имущества.

Так изъятый след помог изобличить расхитителя колхозного добра.

Старший следователь прокуратуры
г. Ленинграда
юрист 2-го класса

A. V. ДУЛОВ

ФОТОГРАФИРОВАНИЕ ПРИ СЛОЖНЫХ ОСМОТРАХ

Следственный чемодан оказывает следователям огромную помощь в их работе, давая возможность в повседневной следственной практике применять научные приемы и методы собирания, закрепления и исследования вещественных доказательств.

В этой статье я хотел бы показать, насколько эффективной мы, следователи, сможем проводить следствие, если умело будем пользоваться следственным чемоданом. Я хочу остановиться на использовании только фотоотдела следственного чемодана.

Сначала мне, как и многим другим следователям, казалось, что ФЭД крайне трудно использовать для фотографирования мест происшествия и отдельных вещественных доказательств. Однако на практике я скоро убедился, что этот фотоаппарат не только не уступает другим (как, например, «Фотокору»), но и имеет много преимуществ перед ними. Это видно на примере проведенного мной расследования по следующему делу.

Осенью 1950 года под тротуаром одного из ленинградских мостов произошел сильный взрыв. По распоряжению прокурора города я выехал на место происшес-

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

ствия. Было уже довольно темно, и осмотр пришлось проводить в исключительно неблагоприятных условиях. Для участия в осмотре я срочно вызвал пять инженеров-специалистов, которых наметил в дальнейшем привлечь в качестве экспертов по этому делу, ибо было ясно, что для установления причин взрыва и выявления виновных в этом лиц надо будет создать экспертную комиссию.

Первоначальным осмотром было установлено, что под тротуаром, состоящим из бетонных плит, сверху покрытых асфальтом, находится траншея, разделенная перегородками на три желоба. В ближайшем краю моста желобе находились телефонные и телеграфные кабели, уложенные в асбестовых трубах, в среднем желобе проходила четырехсотмиллиметровая труба газовой магистрали низкого давления, а в правом желобе лежали электрические кабели высокого напряжения.

С одной стороны моста ощущался сильный запах газа. При осмотре на сгибе газовой трубы в сварном шве была обнаружена трещина длиной в 200—300 мм, через которую просачивался газ. Трещина была тщательно замазана глиной и обложена сверху войлоком.

Обнаружив эту трещину, мы отложили дальнейший осмотр места происшествия на следующий день.

Утром, когда траншея была освобождена от прикрывавших ее бетонных плит, а газовая труба — от войлочной изоляции, осмотр был продолжен. Все детали, могущие иметь значение в процессе дальнейшего расследования, фотографировались, о чем делалась соответствующая запись в протоколе осмотра.

В соответствии с правилами судебной фотографии первоначально были произведены фотоснимки моста, где имел место расследуемый случай. Фотографирование общего вида в связи с большой длиной моста пришлось производить не одним кадром, а тремя, из которых впоследствии составилась панорама общего вида.

Было произведено также фотографирование моста с набережной правого и левого берега реки, что давало наглядное представление о месте происшествия (фото № 1). После этого фотографировался общий вид траншеи, где находилась труба газовой магистрали. Эти снимки производились с обеих сторон моста с тем, чтобы иметь впоследствии точную картину места происшествия в общем виде (фото № 2).

Фото № 1. Общий вид моста, на котором произошел взрыв.

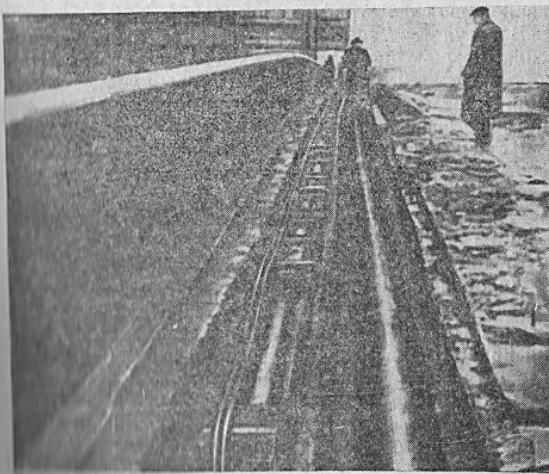

Фото № 2. Траншея с трубой газовой магистрали.

РЕПОЗИТОРИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В процессе осмотра места происшествия тщательно было проверено состояние телефонных, телеграфных и электрических кабелей, что могло иметь значение в процессе дальнейшего расследования. Никаких повреждений кабели не имели, что и было отражено в протоколе.

Отдельно были сфотографированы общий вид траншеи, в которой проходили электрические кабели, а также отдельные участки траншеи, где видно было состояние телефонных и телеграфных кабелей, находящихся рядом с трубой газовой магистрали.

Как уже указывалось выше, еще при первичном осмотре в том месте, где стальная труба с моста уходит в грунт, на сварном шве была обнаружена большая трещина. Это место было тщательно осмотрено (и результаты осмотра занесены в протокол), а также сфотографировано сбоку и сверху (фото № 3).

После осмотра сварного шва, качество сварки которого было крайне плохим, мы решили произвести тщательный осмотр в *всех* сварочных швов стальной трубы, проходящей через мост. Таких сварных швов оказалось двенадцать.

О результатах осмотра каждого шва делалась подробная запись в протоколе осмотра. Кроме того, каждый сварной шов фотографировался.

В результате тщательного осмотра было установлено исключительно низкое качество сварки всех швов. Помимо той трещины, о которой уже говорилось, мы обнаружили еще три трещины в сварных швах. Все эти трещины фотографировались.

На снимке, который здесь приводится (фото № 4), ясно видна большая трещина на сварочном шве. Для того чтобы убедиться, что эта трещина сквозная и что через нее происходила утечка газа, мы подносили к ней горящий факел и видели, как газ загорался по всей длине трещины.

По окончании осмотра швов стало ясно, что участки стальной трубы, где имелись трещины, придется направить на металлографическую экспертизу для установления причин и времени образования этих трещин и определения качества произведенной сварки.

В протоколе осмотра подробно указывалось, какие участки трубы намечается вырезать, а на самой трубе были сделаны соответствующие разметки мелом. Затем

эти участки трубы были сфотографированы. Лишь после этого намеченные отрезки трубы были вырезаны, о чем я составил специальный протокол.

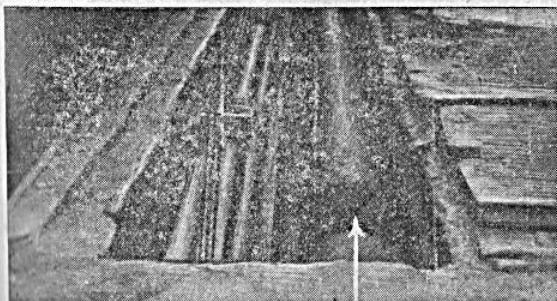

Фото № 3. Труба, имеющая в сварном шве трещину, заложенную войлоком, — вид сверху.

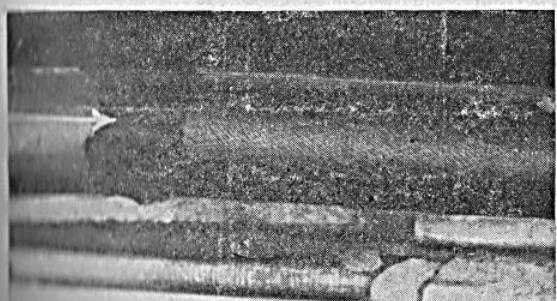

Фото № 4. Труба, имеющая в сварном шве трещину, заложенную войлоком, — вид сбоку.

После за вырезкой эти четыре отрезка трубы вновь тщательно осмотрены с внутренней и внешней стороны и все имеющиеся особенности — трещины, раковины, плавки и т. д. — занес в протокол осмотра. При составлении этого протокола было произведено фотографирование каждого из четырех отрезков в отдельности.

Отрезки трубы с трещинами в сварочных швах были направлены на исследование в металлографическую лабораторию.

Такое подробное протоколирование и фотографирование всех стадий нашей работы обусловливалось тем, что отрезки стальной трубы в их первоначальном виде не могли сохраниться в качестве вещественного доказательства и все детали впоследствии невозможно будет восстановить, так как они подлежали разрезке при испытаниях и исследованиях в лаборатории.

Еще в процессе осмотра возник вопрос о необходимости скорейшего изъятия всей документации, относящейся к проектированию, строительству, приемке и эксплуатации газовой магистрали, проходящей через мост. Вся эта документация была изъята и находилась в моем распоряжении.

В ходе дальнейшего расследования стало ясно, что в период эксплуатации газопровода со стороны лиц, ответственных за его исправное состояние, была допущена преступная халатность.

Дело в том, что с целью своевременного обнаружения утечек газа работники эксплоатационных контор два раза в месяц, по утвержденному графику, производят осмотры телефонных колодцев, находящихся рядом с газовыми магистралью, где в случае утечки газа он будет ощущаться прежде всего. О результатах осмотра телефонных колодцев работниками телефонной сети и эксплоатационной конторы «Ленгаза» составлялись соответствующие акты.

Как оказалось, в актах осмотра этих колодцев примерно в течение года систематически отмечалось наличие газа. Это со всей очевидностью свидетельствовало о том, что в газопроводе, проходящем через мост, имеется утечка газа, которую надо немедленно ликвидировать. Однако работники эксплоатационных контор никаких мер к ликвидации этой утечки не предпринимали.

Смузжало меня в этих актах только то, что месяца за полтора до аварии в актах уже не было указано на наличие газа в колодцах. Это, как выяснилось, объяснялось тем, что отверстия, через которые кабели выходили из колодца в тоннеле мостоперехода, были замазаны глиной.

Кроме составления подробного протокола осмотра, я решил попытаться сфотографировать в колодце отверстия, замазанные глиной. Фотографирование было затруднено, так как диаметр колодца был немногим больше метра, а освещался колодец очень слабо. Тем не менее мне удалось сфотографировать нужные объекты в обоих колодцах, и на фотоснимках были видны замазанные глиной отверстия, через которые проходили кабели.

В ходе дальнейшего расследования было установлено, что отверстия в колодцах замазали глиной по распоряжению лиц, ответственных за эксплуатацию газопровода.

Таким образом, было установлено, что работники эксплоатационных контор не только не принимали мер для ликвидации утечек газа, но, наоборот, с целью создания видимого благополучия дали распоряжение замазывать отверстия в колодцах с тем, чтобы при осмотрах колодцев там газа не обнаруживали.

Из ознакомления с технической документацией было видно, что в 1948 году, перед сдачей газопровода в эксплуатацию, составили проект его реконструкции, в связи с чем необходимо было вскрыть всю траншею, в которой уложен газопровод, и после этого произвести тщательный осмотр всех сварочных швов труб газопровода. Для производства этих работ была даже составлена смета, по которой восстановительные работы и начал один из строительных трестов.

При осмотре исполнительной документации я обратил внимание на то, что фактически строители траншеи не вскрывали. Из документов явствовало, что во время строительных работ один из рабочих попросту прополз по тоннелю газопровода. Возможность такого проползания через тоннель вызвала сомнение, а тщательный осмотр трубы, к тому же изолированной войлоком, и вовсе исключался. Характерно, что в акте, составленном представителями строительного треста, указывалось, что рабочий прополз 85 м, хотя вся длина моста (а следовательно, и траншеи) составляет всего 56 м.

Сопоставив все эти обстоятельства, я решил произвести по делу следственный эксперимент. Перед его производством траншея была покрыта бетонными плитами.

ми, после чего рабочему, указанному в упоминавшемся акте строителей, было предложено ползти по траншею.

Эксперимент производился дважды; один раз проверялась возможность проползания по траншее, где проходили телефонные и телеграфные кабели, а второй раз — по траншее, где проходила стальная труба газовой магистрали.

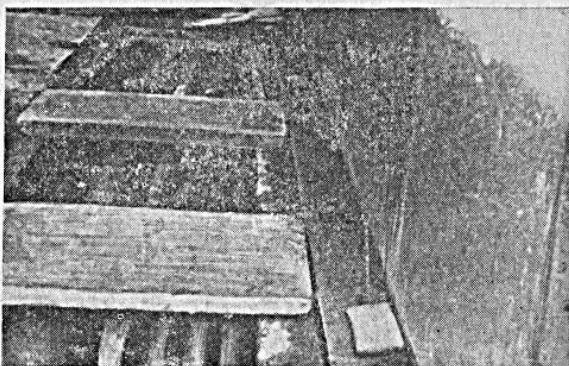

Фото № 5. Производство следственного эксперимента.

Результаты оказались убедительными. В обоих случаях можно было проползти под плитами только три-четыре метра.

Проведение следственного эксперимента мы запечатели в протоколе, к которому приложили соответствующие фотографии.

Расследованием были установлены и привлечены к ответственности все виновники происшедшего взрыва.

Народный следователь прокуратуры
Щекинского района
Тульской области
юрист 2-го класса

А. КИРЕЕВ

ФОТОАППАРАТ В ДЕЙСТВИИ

Однажды утром мне сообщили по телефону о случае хулиганства на шахте № 9 треста «Щекинуголь». Выехав на место, я установил, что рабочие этой шахты Изотов и Нефедов прошёлшей ночью, находясь в состоянии опьянения, избили дежурного по шахте и учинили дебош в его кабинете — сорвали со стены географическую карту и порвали ее, свалили стол и т. д. Обо всем этом мне рассказал дежурный по шахте. Он представил справку врача, подтверждающую нанесение ему побоев. Т. ч. что хулиганы сквернословили, подтвердила телефонистка, слышавшая, что происходило в кабинете дежурного по шахте. Показания дежурного отлично дополнены сделанные мною фотоснимки. Я заснял опрокинутый стол, разбросанные возле него документы, порванную карту и т. п.

Снимки явились убедительным подкреплением протокола обвинения, составленного мной на месте происшествия.

Расследование по этому делу я закончил быстро, и главными доказательствами, которые легли в основу приговора суда, были показания двух свидетелей и протокол обвинения места происшествия, иллюстрированный моими снимками.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРД

* * *

Успешно была применена фотография при расследовании по делу об обнаружении трупа на чердаке одного из домов в поселке Огаревка. Я в это время находился в командировке, и на место происшествия выезжал помощник районного прокурора, который взял с собой следственный чемодан.

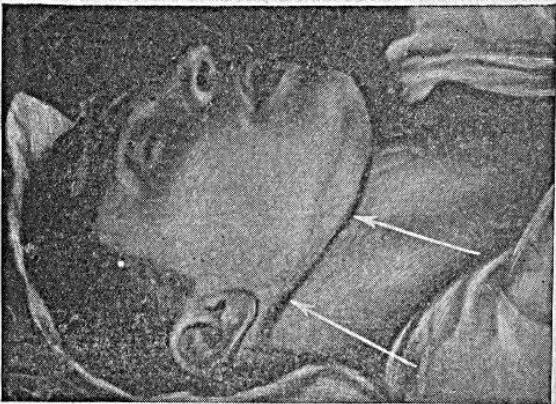

Фото № 1. Масштабная съемка странгуляционной борозды.

На чердаке дома в веревочной петле, прикрепленной к перекладине крыши, висел труп мужчины. Опросом лиц, проживающих в доме, было установлено, что это труп гр-на Грузина, жильца этого же дома.

Решено было произвести фотосъемку, однако это осложнилось особенностями места происшествия.

На чердаке было темно, а магниевая вспышка в следственном чемодане отсутствовала. Поэтому на крыше пришлось поднять лист шифера. Через это отверстие, однако, проникало мало света. При подсчете оказалось, что для съемки надо было дать выдержку в 18 секунд, а отсутствие в следственном чемодане штатива — треноги, а также тросика затрудняло производство в этих условиях высококачественной съемки. Пришлось принести

табуретку и установить ее между балками. Затем к одной из ножек табуретки был прикреплен карманный штатив, на котором установили фотоаппарат.

После того как труп вынули из петли и вынесли на улицу для отправления на вскрытие, было сделано еще несколько снимков трупа, в том числе и снимок странгуляционной борозды на шее. Этот снимок был сделан по правилам масштабной фотографии, с применением насадочной линзы и установкой фотоаппарата от объекта съемки на расстоянии, определенном по таблице масштабной фотографии.

Результат получился неплохой: странгуляционная борозда видна на снимке вполне отчетливо (фото № 1).

В результате расследования, произведенного мною, было установлено, что Грузин покончил жизнь самоубийством.

* * *

Прокурором отдела общего надзора Тульской областной прокуратуры, находившимся в командировке в Щекино, при проверке анонимного письма о производстве Фомичевой преступных абортов было установлено, что в

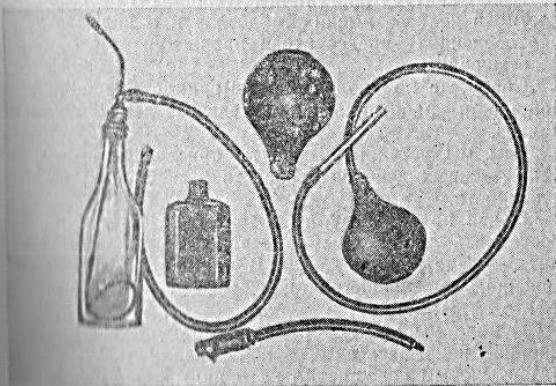

Фото № 2. Орудия производства абортов, изъятые у обвиняемой Фомичевой.

Сборник практика, вып. 7

49

РЕПОЗИТОРИЙ ПРАКТИКА

числе других женщин преступницей был сделан аборт гр-ке М. При вызове в прокуратуру М. призналась, что Фомичева у себя на квартире при помощи резиновой спринцовки со стеклянным наконечником сделала ей спринцевание, за что она уплатила Фомичевой 150 руб.

На квартире у Фомичевой я произвел обыск и обнаружил резиновую трубку с грушей и наконечником, резиновую грушу с каучуковой трубкой и другие инструменты, при помощи которых Фомичева делала аборты. Она была арестована и привлечена к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 140 УК РСФСР.

Инструменты, использовавшиеся преступницей, были сфотографированы (фото № 2). Они являлись вещественным доказательством по делу и уличали Фомичеву наряду с другими фактами в производстве абортов местным жительницам. Фотоснимок же, приобщенный к делу, наглядно показывал, какие именно инструменты были обнаружены у Фомичевой на квартире.

* * *

В прокуратуру поступили материалы о бесхозяйственности в колхозе имени Молотова и о корыстных злоупотреблениях председателя правления этого колхоза Мартынова.

Сразу же по получении материала я с прокурором района и работниками райсельхозотдела выехал в колхоз.

Там мы установили факты присвоения и растраты общественных денежных средств и вопиющей бесхозяйственности.

Почти по каждому из объектов хозяйства пришлось составлять протоколы осмотров, а чтобы их подкрепить, — делать фотосъемку. В частности, мы засняли теленка, поедавшего колхозный горох и вики (фото № 3).

В поле мы засняли ряды неубранной вики, которые начинали покрывать снег. У полуразвалившейся конюшни (Мартыновым совершенно не принималось мер к строительству надворных построек) мы увидели сельскохозяйственный инвентарь артели, который ржавел под открытым небом (фото № 4). Возле риги и на току втор

бригады мы также увидели необмолоченную рожь, около которой бродили лошади (фото № 5).

Здесь же мы установили, что при обмолоте яровой пшеницы с шести гектаров допущены большие потери зерна, и наглядно убедились в этом: в полеве, разбросанной на току, было очень много зерна.

Фото № 3. Горох и вика, оставленные без присмотра.

По этому поводу мы решили составить протокол и взять половину для лабораторного анализа (впоследствии было установлено, что в полеве находится 30% качественного зерна яровой пшеницы). Фотографии наглядно подтвердили изложенное в протоколах осмотра.

Мартынова предали суду по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ст. 109 УК РСФСР, который приговорил его к длительному заключению в исправительно-трудовых лагерях.

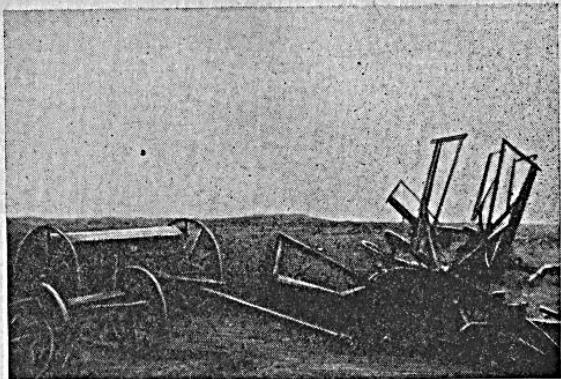

Фото № 4. Сельхозинвентарь, ржавеющий под открытым небом.

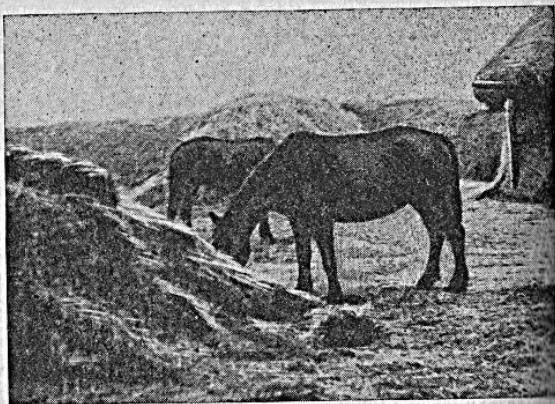

Фото № 5. Лошади у необмолоченной ржи и вики.

* * *

Приведенными случаями не ограничивается применение следственного чемодана в нашей прокуратуре.

С помощью насадочной линзы я фотографировал в крупных масштабах различные вещественные доказательства. Для получения копий документов я использовал рефлексную фотографию.

В практической работе применялись и другие приборы и материалы, имеющиеся в следственном чемодане.

При использовании следственного чемодана я столкнулся и с некоторыми его недостатками. Как было указано выше, иногда крайне затрудняет производство fotosъемки отсутствие треножного штатива, так как универсальный штатив применим не при всех условиях. Немало хлопот причиняет также отсутствие магниевой вспышки и тросика¹.

¹ В настоящее время Всесоюзным научно-исследовательским институтом криминалистики принимаются меры для устранения недостатков следственного чемодана, отмеченные в статье Т. Киреева. В частности, разрабатывается новая конструкция штатива для «ФЭД» и усовершенствованные осветительные средства. В следственные чемоданы будут вкладываться тросики.

Народный следователь прокуратуры
Сталинского района
г. Ростова-на-Дону
юрист 2-го класса
В. И. ПАЛЬЦЕВ

РОЛЬ МЕЛКИХ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ

2 августа 1950 г. постовой милиционер обратил внимание на шедших по улице двух мужчин, один из которых нес мешок. Поведение прохожих показалось милиционеру подозрительным (они оглядывались по сторонам, и было видно, что они чего-то опасаются). Милиционер остановил их и предложил показать, что находится в мешке.

Мужчина, несший мешок, заявил, что он работает в Строительно-монтажном управлении № 2 и несет в мешке бидон с молоком. Тон отвечающего был неуверенным, и милиционер вторично потребовал показать содержимое мешка. Тогда прохожие заявили, что в бидоне находится краска, которую они купили для хозяйственных нужд.

Изменение объяснений о содержимом бидона еще более насторожило милиционера, и он предложил прохожим пойти с ним в отделение милиции.

В отделении милиции бидон был осмотрен. Оказалось, что в нем находится эмалевая краска синего цвета (52 кг).

Опросом и проверкой документов у одного из задер-

жанных (второй по дороге в милицию документы выбросил) удалось установить фамилию и место работы обоих,

Лихачева, выбросившего документы, оказался машинистом паровоза на заводе «Ростсельмаш» Лихачевым, а второй — его помощником Рыденко.

Лихачев, давая объяснения по поводу бидона с краской, сообщил, что он нашел краску на свалке, когда вывозил мусор с завода «Ростсельмаш».

Рыденко признался, что бидон с краской был похищен с завода и спрятан в шлак на станции Нахичевань-Донская.

На основании этих данных было возбуждено уголовное дело о хищении 52 кг эмалевой краски с завода «Ростсельмаш».

В процессе следствия Лихачев сумел договориться с Рыденко, и последний, отказавшись от ранее данных показаний о хищении краски, стал показывать, что бидон с краской был найден на свалке, куда они привезли мусор с завода «Ростсельмаш». Других доказательств, кроме первоначального признания Рыденко о хищении бидона с краской с завода, не было.

В таком виде дело было передано мне. Изучая его подробно, я прежде всего произвел осмотр бидона с краской и мешка, в котором хранился бидон.

При осмотре на дне мешка были обнаружены мелкие частицы, напоминающие шлак. Наличие шлака подтвердило объяснения, данные Рыденко при задержании.

Рыденко на допросе сначала продолжал утверждать, что бидон с краской был найден на свалке. Тогда я заставил ему протокол осмотра мешка и бидона с краской и предъявил Рыденко обнаруженные в мешке частицы, напоминающие шлак.

Рыденко сознался в совершении преступления и рассказал, что Лихачев 30 июля 1950 г., работая в ночной смене, погнал с погрузо-разгрузочной площадки краскоремзавода «Ростсельмаш» бидон с краской и спрятал на паровозе в запасном ящике под углем. Прибытие на станцию Нахичевань-Донская они (Рыденко и Лихачев) вывезли бидон с краской с территории завода и спрятали в шлак на месте чистки паровозной трубы. 2 августа 1950 г. они откопали бидон и решили

отнести его на квартиру к Лихачеву, но по пути следования были задержаны постовым милиционером.

Передо мной встала задача получить и от Лихачева показания, соответствующие действительности, и закрепить их. Тогда в случае отказа Рыдченко от своих показаний этот отказ уже не смог бы повлиять на исход дела. Вызвав на допрос Лихачева, я предложил ему пойти и показать место, где, по его заявлению, был обнаружен бидон.

Вместе с Лихачевым и понятыми я отправился к месту, указанному им. Там с помощью планшета мной был составлен план местности. Я изъял также образцы почвы и упаковал в пробирки, имеющиеся в следственном чемодане.

Затем в присутствии понятых я осмотрел место, указанное Рыдченко, где, по его показаниям, был спрятан похищенный бидон, и сфотографировал это место. С этого места мы также изъяли образцы шлака и упаковали их (фото № 1).

Образцы почвы, шлака и найденные в мешке мелкие частицы, напоминающие шлак, были направлены на экспертизу.

Экспертиза пришла к выводу, что мелкие частицы, обнаруженные на дне мешка, являются частицами шлака и сходны с образцами шлака, взятого с места, указанного Рыдченко.

Кроме того, я произвел осмотр погрузо-разгрузочной площадки краскотерки завода «Ростсельмаш». На площадке находилось большое количество бидонов с краской, имевших по внешнему виду сходство с похищенным бидоном.

Место осмотра и бидоны были сфотографированы (фото № 2). Я составил также план погрузо-разгрузочной площадки. Бидон с краской, изъятый у задержанных, был предъявлен для опознания заведующему краскотеркой, который перед этим заявил, что, если бидон похищен с краскотерки, на нем должно быть клеймо завода имени Д. И. Менделеева. При осмотре бидона это клеймо было обнаружено.

Но я не ограничился только этими доказательствами. Нужно было еще установить, однородна ли краска, изъятая из бидонов, находящихся на погрузочной пло-

Фото № 1. Место сокрытия похищенного бидона с краской.

№ 2. Погрузо-разгрузочная площадка краскотерки завода «Ростсельмаш», с которой обвиняемые похитили бидон с краской

щадке, и взятая из бидона, обнаруженного у задержанных.

Экспертиза пришла к выводу, что представленные образцы краски однородны.

Собранных мной доказательств было достаточно для предания суду Рыдченко и Лихачева.

Большую помощь в закреплении вещественных доказательств при расследовании по этому делу мне оказал фотоотдел следственного чемодана. Фотоснимки погрузо-разгрузочной площадки краскотерки с бидонами и др. явились наглядным иллюстративным материалом.

При рассмотрении этого дела в суде Рыдченко вновь изменил свои показания, заявив, что бидон с краской они нашли на свалке, но суд уже располагал достаточными данными, опровергающими показания Рыдченко.

Рыдченко и Лихачев были осуждены народным судом.

Народный следователь прокуратуры
Ворошиловского района
г. Горького
младший юрист
Е. И. ШУЛЬПИН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОТОСНИМКОВ СО СЛЕДОВ ТРАКТОРА

В З-е отделение милиции г. Горького поступило анонимное письмо, в котором указывалось, что работающий на строительстве мясокомбината тракторист Малыгин при перевозке лесоматериалов с берега Оки занимается расхищением.

Органы милиции занялись проверкой этого письма и возбудили уголовное дело о хищении леса со строительства мясокомбината. Из допрошенных свидетелей никто ничего конкретного о фактах хищения не сообщил. Тогда работники милиции вызвали и допросили самого Малыгина, который также отрицал какое-либо участие в хищении лесоматериалов.

14 октября 1950 г. на допрос были вызваны рабочие, занимавшиеся погрузкой лесоматериалов на берегу Оки. Одни из них заявил, что ему ничего не известно о хищении Малыгиным лесоматериалов. Но он видел, что 14 октября Малыгин повез на тракторе лесоматериалы в направлению к строительству мясокомбината, а в деревне Новые Дубенки, но кому, — ему не известно. Это сообщение представляло значительный интерес,

так как строительная площадка, куда трактористы должны возить лесоматериалы, находилась в противоположной от поселка Новые Дубенки стороне. Взяв с собой следственный чемодан, я немедленно выехал в этот поселок.

В поселке Новые Дубенки тракториста Малыгина не оказалось. Но около одного дома находились бревна. Вблизи бревен был заметен след трактора, который был тщательно осмотрен. По свежевырванной гусеницами траве можно было заключить, что трактор прошел здесь совсем недавно. Кроме того, бревна были еще влажные. Это свидетельствовало о том, что лес недавно извлекли из реки. Хозяин дома, около которого лежали бревна, Сягин на вопрос, где он их приобрел, заявил, что ему вообще не известно, кто привез лесоматериал, и он не знает, кому он принадлежит.

На месте обнаружения лесоматериала был составлен протокол осмотра. Ввиду того большого значения, которое часто имеют следы транспорта, следы трактора были зафиксированы с помощью масштабного фотоснимка. Сделать гипсовый слепок со следов было невозможно, так как они были оставлены на траве. Общий вид бревен был также сфотографирован.

Перед органами следствия возникла задача — установить, кто привез бревна и кому они привезены.

В деле, как указывалось, имелись показания свидетеля, который заявил, что видел, как в сторону поселка Новые Дубенки доставлялись бревна, причем трактор вел Малыгин. Малыгин, однако, на допросе категорически отрицал поездку в Новые Дубенки.

Соседи Сягина, допрошенные как свидетели, заявили, что не видели, кто и когда привез бревна к дому Сягина. Свидетели М. и К. заявили, что днем 14 октября на улице поселка они заметили трактор, груженный лесом, и что они сумеют опознать тракториста.

Поскольку в хищении леса был заподозрен Малыгин, в числе других лиц его предъявили для опознания свидетелям М. и К. Последние опознали его как тракториста, который проезжал по улице поселка днем 14 октября. Но даже после этого опознания Малыгин отрицал факт пребывания днем 14 октября в указанном поселке.

Тогда на такой же почве, как около дома Сягина, где был обнаружен след трактора, сделали контрольный

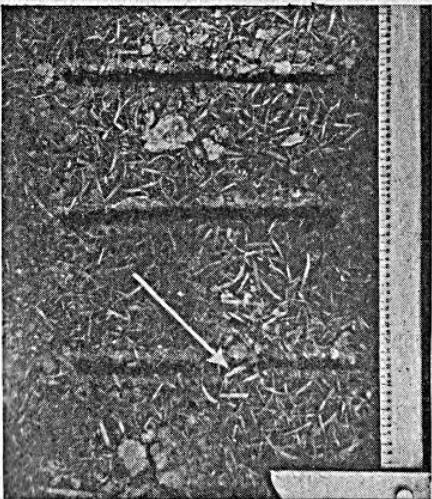

Фото № 2. Контрольный отпечаток следа трактора, на котором работал Малыгин.

Фото № 1. Следы трактора, обнаруженные около дома Сягина.

РЕПОЗИТОРИЙ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ
И ИЗДАНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ БЫТИЯ

оттиск следа трактора, на котором работал Малыгин. С этого следа также был сделан масштабный фотоснимок.

Затем были сопоставлены оба фотоснимка: один с контрольного следа и второй — сделанный на месте обнаружения бревен. На обоих снимках запечатлелись одинаковые характерные дефекты трактов гусениц трактора. След одной из тракт был неполным.

Трактор, на котором работал Малыгин, в присутствии понятых был осмотрен. Оказалось, что на одной из тракт правой гусеницы был отломан кусок.

Таким образом, след трактора, обнаруженный около дома Сягина, и сделанный в аналогичных условиях контрольный след от трактора Малыгина оказались одинаковыми. После этого Малыгин был снова допрошен. В начале допроса он, как и ранее, отрицал какое-либо участие в хищении лесоматериалов, но, когда ему были предъявлены фотоснимок следа трактора, обнаруженного около дома Сягина, и фотоснимок с контрольного следа его трактора и ему показали, что эти следы совпадают, он признал себя виновным в хищении бревен.

Вначале, как показал Малыгин, он нашел покупателя Сягина, который согласился приобрести у него бревна и дал ему задаток в 150 руб. 14 октября он, Малыгин, нагрузил 14 бревен на трактор и поехал в Новые Дубенки, где около дома Сягина и сгрузил эти бревна. Сягин отрицал факт покупки лесоматериала у Малыгина.

На очной ставке между Малыгиным и Сягиным последний, после того как Малыгин подтвердил ранее данные им показания, сознался в покупке похищенных бревен.

Для установления тождественности объекта, оставленного указанные выше следы, необходимо было провести экспертизу, заключение которой подтвердило бы сделанные мною выводы. Однако такая экспертиза не была проведена, и следствие ограничилось другими собранными по делу доказательствами.

Малыгин и Сягин были преданы суду и осуждены

Прокурор следственного отдела
прокуратуры
Томской области
юрист 2-го класса
П. Д. ГАЛАКТИНОВ

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ОБВИНИЕМОГО

15 февраля 1950 г. от Анны Степановны Козловой поступило заявление с просьбой принять меры к розыску ее исчезнувшей дочери Антонины Вакуловны Козловой.

Вначале органы следствия выяснили день исчезновения А. В. Козловой. Это было сделано путем допроса соседки А. В. Козловой Ложниковой, по словам которой 24 января 1950 г. А. В. Козлова (дочь) зашла к ней и попросила разрешения оставить у нее своих двух детей, сказав, что идет к матери в соседнее село. Однако из показаний А. С. Козловой (матери) явствовало, что 24 января ее дочь, А. В. Козлова, к ней не приходила.

Розыск А. В. Козловой в соседних селах, а также поиск ее трупа на дорогах положительных результатов не дал.

В дальнейшем на следствии через близких знакомых подруг Антонины Козловой были подвергнуты изучению ее быт и поведение. Из допросов Ложниковой, Лопатиной, Шпехт и других выяснилось, что исчезнувшая А. В. Козлова была на четвертом месяце беременности. Она не хотела иметь ребенка и решила сделать аборт,

РЕПОЗИТОРИЙ

который, как она рассказывала, обещала произвести ее подруга Караваева. Кроме того, стало известно, что А. В. Козлова искала иод и, перед тем как направиться к матери, взяла у Ложниковой флакон с иодом. Было установлено, в какой одежде ушла из дома Антонина Козлова: она была в новых черных валенках, на ней была черная суконная шаль с кистями, а под шалью — красный ситцевый платок.

Через сельсовет органы следствия установили место жительства подруги Антонины Козловой — Караваевой.

Последняя проживала в селе Сугот, в 10 км от села Ново-Короткино, где проживала А. В. Козлова. До 1941 года Караваева работала в родильном доме, а с 1941 года состояла членом колхоза.

Допрошенная Караваева показала, что хорошо знает А. В. Козлову, но последний раз видела ее в конце 1949 года. В 1950 году Козлова к ней будто бы ни разу не приходила.

Показаниями соседей Караваевой — Шиуровой, Тутшевой и Соломиной было установлено, что поведение Караваевой в последнее время было странным: она, в частности, боялась оставаться дома одна. Эти свидетели показали также, что в конце января 1950 года Караваева стала одевать новые черные валенки, черную шаль с кистями, под которой носила красный платок. При этом внимание соседей привлекло то, что на вопросы о происхождении вещей Караваева отвечала по-разному, а вскоре перестала носить эти вещи, и больше их у нее не видели.

Приметы вещей, описанные свидетелями, совпали с приметами вещей, надетых на Козловой в день ее исчезновения.

Караваева наличие у нее указанных вещей отрицала.

Свидетель Тыряткина сообщила, что в конце 1950 года к ней зашла незнакомая женщина, которая попросила погреться. По объяснениям неизвестной, она пришла к Караваевой, но последняя, как выяснилось, уехала в лес за дровами. Через несколько минут эта женщина ушла, сказав, что, по всей видимости, Караваева уже вернулась. Зачем она ищет Караваеву, неизвестная женщина Тыряткиной не объяснила.

В числе других фотографий Тыряткиной предъявили фотоснимок Антонины Козловой. На этом фотоснимке, по заявлению Тыряткиной, и была изображена женщина, заходившая к ней в конце января 1950 года и дождавшаяся Караваеву.

В доме Караваевой был произведен обыск, во время которого обнаружили различные медикаменты, в том числе жидкость, напоминавшую по внешнему виду рас-

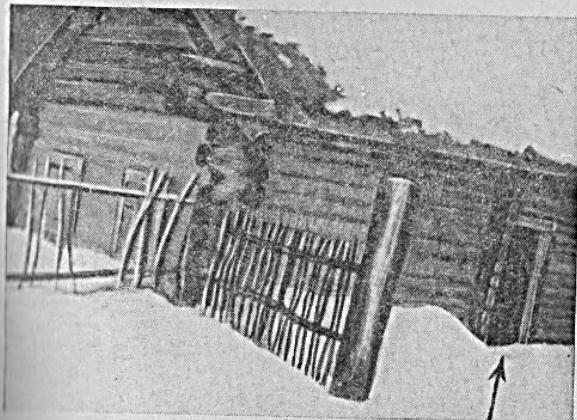

Фото № 1. Дом обвиняемой Караваевой.

тор марганцевокислого калия, который, как известно, иногда применяется при производстве криминальныхabortov. В этих целях могла быть также использована найденная у Караваевой самодельная металлическая игла с характерно загнутым шарообразным концом.

Изобличенные показаниями соседок и знакомых, а также вещественными доказательствами, Караваева созналась в производстве aborta A. V. Kozlovoi и показала, что последняя с этой целью пришла к ней 24 января 1950 г. Караваева, по ее признанию, дважды ввела в свою матку Kozlovoy около двух стаканов раствора с иодом повышенной концентрации.

По времени aborta Kozlova неожиданно умерла. Ка-

РЕПОЗИТОРИЙ

раваева, испугавшись ответственности, засунула труп Козловой в печь и там сожгла. Труп, как показала Караваева, был сожжен в одежде, но валенки, шаль и платок, принадлежавшие погибшей, уцелели, так как они находились на лежанке печи. Через несколько дней

Фото № 2. Комната, в которой Караваева на полу производила аборты.

Караваева их надела... Но, после того как на эти веды обратили внимание соседки, Караваева также сожгла их в печи.

Получив подобные показания Караваевой, я приступил к их проверке. Прежде всего я произвел повторный обыск в доме Караваевой и во дворе ее дома. В результате в печи и под снопами льна в сенях дома

были найдены мелкие косточки, размером от 2 до 6 см, слипшийся пепел, зола, уголь.

При осмотре места происшествия мною была заснята обстановка, в которой производился аборт Козловой, и печь, где был сожжен труп. Сфотографировал я и вещественные доказательства — кости, пепел и золу.

Одновременно мной был произведен следственный эксперимент для того, чтобы выяснить, могла ли поместиться в печи женщина такого же роста, как Козлова. В результате следственного эксперимента было установлено, что это вполне возможно.

Такой вывод наглядно подтверждался сделанными в процессе эксперимента снимками.

При производстве первого обыска у Караваевой, как указывалось, были изъяты медикаменты. Караваева утверждала, что обнаруженные медикаменты ею для производства аборта не применялись; она будто бы произвела всего только один аборт — Козловой и только потому, что с нею дружила и не могла поэтому отказать в ее просьбе. Медикаменты же она использовала для личных нужд.

Мне важно было установить, что представляют собой обнаруженные медикаменты и могли ли они применяться для производства аборта. Поэтому медикаменты были направлены для исследования их состава в контрольно-аналитическую лабораторию. В результате анализа выяснилось, что среди медикаментов имелись раствор марганцевокислого калия, квасцы, сулема и акрихин.

Для установления причин смерти А. В. Козловой и возможности использования обнаруженных при обыске инструментов и медикаментов для производства аборта была назначена судебно-медицинская экспертиза, которая на поставленные мной вопросы дала следующее заключение:

1. Смерть А. В. Козловой могла наступить от введения в матку значительного количества концентрированного раствора иода с мылом, что вызвало сильное раздражение брюшины, шок и мгновенную смерть.

2. Металлическая самодельная игла могла применяться для нарушения целости плода и прокола плодово-оболочек для производства аборта. Пипетка и пинцеты могли применяться как подсобный инструмент при производстве аборта.

ведомостях. Пришлось также произвести допросы большого числа свидетелей. Наконец, ввиду того, что обвиняемые продолжали отрицать факт удержания с рабочих непосредственно кассиром ранее полученных авансов, была произведена проверка правильности начисленных сумм непосредственно по нарядам и табелям. Только после этого обвиняемые признали применение ими этого метода хищений.

По данному делу было вскрыто еще около десяти способов хищения денег. Так, например, преступники включали в платежные ведомости фамилии вымыщенных лиц, исправляли в ведомостях суммы полученной зарплаты после получения ее рабочими, дважды оплачивали одни и те же счета (один раз через банк, а второй раз через кассу), оплачивали личные долги за счет средств предприятий и т. д.

По указанному делу за хищение 410 тыс. руб. было привлечено к уголовной ответственности 17 руководителей и счетно-бухгалтерских работников разных промышленных организаций и предприятий. Кроме того, в процессе расследования по этому делу были выявлены злоупотребления и в других организациях, в частности в Тюменском стройучастке Тюменской области. Было предложено произвести там тщательную ревизию с учетом уже вскрытых способов хищения денежных средств. В результате этой ревизии удалось вскрыть хищение 170 тыс. руб.

Наряду с изобличением преступников путем изъятия ценностей у обвиняемых при обысках и путем наложения ареста на их имущество был возмещен причиненный государству ущерб.

Преступники были преданы суду по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и осуждены на длительные сроки лишения свободы.

Следователь прокуратуры
г. Свердловска
К. А. ЖУКОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЦЕЛЯХ ХИЩЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ В УЧЕТЕ ТКАНЕЙ

Свердловская швейная фабрика производила пошив швейных изделий из ткани, поступавшей от текстильных фабрик в кусках. Каждый кусок имел свой ярлык, в котором указывались сведения о фабрике-изготовителе, артикуле ткани, номере куска и количество метров в данном куске. Куски упаковывались в кипы, и каждая кипа имела свою спецификацию с указанием количества кусков, номеров кусков и метража каждого куска.

Ткани, как правило, транзитом поступали на склад подготовительного цеха, в задачу которого входила подготовка тканей к подаче в закройный цех.

Ткань принималась на склад подготовительного цеха согласно метражу, указанному в ярлыке, а сдавалась в закройный цех фабрики без перемерки по метражу, указанному в ярлыке, или в отдельных случаях фактическим метражем.

В первых числах октября 1950 года старший бухгалтер закройного цеха Воробьева обнаружила, что в большом количестве ярлыков (с кусков), поступивших в закройный цех из подготовительного цеха вместе с тканью,

РЕПОЗИТОРИЙ ГРНЦ РАН

имеются исправления десятых долей метража в сторону увеличения. Воробьева доложила об этом директору фабрики, который назначил бухгалтерскую ревизию подготовительного цеха.

Проведенной ревизией только за период сентября 1950 года в закройном цехе была установлена недостача шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей на 14 тыс. руб.

Недостача по шерстяным тканям, как отметила ревизия, могла быть результатом того, что начальником подготовительного цеха Нигматулиным было списано по исправленным ярлыкам на производство большее количество ткани, чем фактически было отпущено закройному цеху.

На основании этих данных ОБХСС возбудил уголовное преследование против Нигматулина. На его квартире был произведен обыск, который, однако, ничего существенного не дал.

Графическая экспертиза не сумела установить, сделаны ли исправления в ярлыках Нигматулиным (о характере исправлений цифр в кусковых ярлыках можно судить по фото №№ 1 и 2).

Нигматулин на допросах категорически отрицал, что исправления на ярлыках сделаны им, и утверждал, что ткани, повидимому, были получены на склад с исправленными на ярлыках цифрами. Сдачу же им, Нигматулиным, ряда кусков ткани различных артикулов в закройный цех фабрики фактическим метражем без ярлыков и без указания номера куска Нигматулин объяснял тем, что эти куски были получены им якобы без ярлыков. На вопрос о том, почему у него не было покусковых спецификаций, в которых указываются номера и метраж каждого куска в кипе, Нигматулин ответил, что он не знал, нужно ли их хранить, и поэтому выбрасывал.

В феврале 1951 года дело по обвинению Нигматулина поступило в следственный отдел городской прокуратуры и было передано для расследования мне.

Ознакомившись с делом, я решил произвести повторный обыск на квартире Нигматулина. Во время этого вторичного обыска в одном из ящиков комода было обнаружено несколько различных по величине обрезков разных шерстяных тканей, которые и были изъяты. В числе этих обрезков оказался неболь-

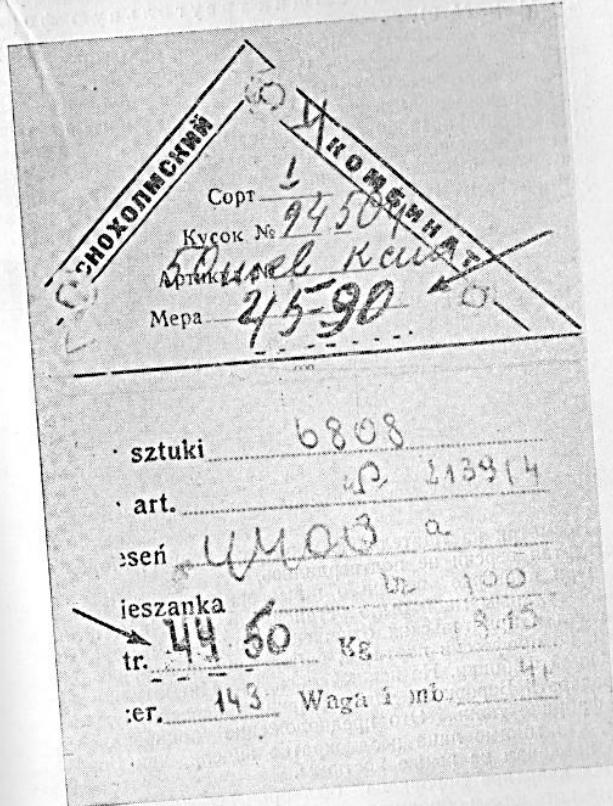

Фото №№ 1 и 2. Исправление в цифровом обозначении меры.

шой лоскуток трико стального цвета с черными и синими полосками, имеющий треугольную форму (фото № 3).

Составленный мной план следствия предусматривал проверку четырех версий: 1) не присваивались ли ткани путем исправления метражи на фабриках-изготовителях; 2) не присваивались ли ткани на перевалочных базах; 3) не присваивались ли ткани самим Нигматулиным и 4) не присваивались ли ткани в закройном цехе, если допустить, что исправления в ярлыках соответствовали фактическому метражу.

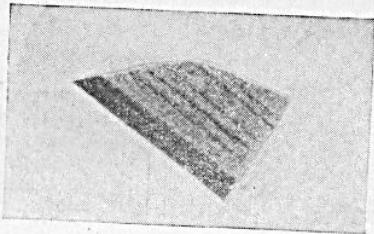

Фото № 3. Кусочек ткани, изъятый при обыске у Нигматулина.

Несмотря на тщательную проверку, первая, вторая и четвертая версии не подтвердились.

При проверке версии о присвоении тканей самим Нигматулиным мной было установлено, что Нигматулин состоял в приятельских отношениях с некиим Боровковым, по профессии портным, работавшим в лаборатории швейной фабрики. Не исключалось, что Нигматулин мог передавать Боровкову для пошивки присваиваемую им на фабрике ткань. Это предположение подкреплялось тем, что многие лица неоднократно видели, как Боровков продавал на рынке костюмы.

На квартире Боровкова был произведен обыск, во время которого я обнаружил и изъял два отреза: один — коверкотовый, серого цвета, длиной в 4 м, и второй — трико стального цвета с черными и синими полосками, длиной в 3,2 м. Угол одного конца этого отреза отсутствовал (см. фото № 4).

72

Боровков на допросе заявил, что оба отреза куплены им в разное время в магазинах. О Нигматулине он сказал, что знает его только как работника фабрики. На вопрос, зачем он отрезал уголок от трико, Боровков пояснил, что образчик трико он отрезал сам, так как хотел показать его знакомому закройщику и посоветоваться с ним о фасоне костюма, который хотел сшить своему сыну. Однако закройщику он этот образчик не показал, а затем выбросил его в печь. Тогда Боровкову был предъявлен изъятый у Нигматулина лоскуток. Одновременно я предложил Боровкову приставить этот

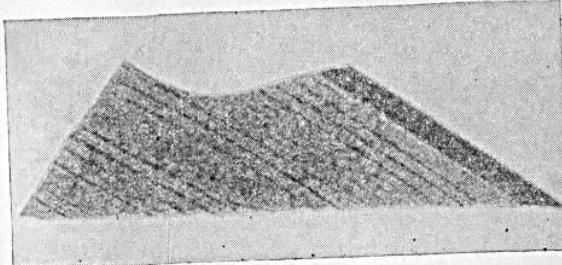

Фото № 4. Кусок ткани с отсутствующим углом, изъятый у Боровкова.

лоскуток к углу отреза (см. фото № 5). Боровков это сделал и не мог не признать, что это и есть тот лоскуток, который он отрезал от материала, изъятого у него при обыске. После этого Боровков рассказал, что отрезы ему дал Нигматулин в счет платы за пошивку Нигматулину двух костюмов, пальто и брюк.

После непродолжительного запирательства Нигматулин признал, что в течение сентября 1950 года он присваивал ткани путем исправления метража в ярлыках в сторону увеличения.

Назначенная по делу судебно-бухгалтерская экспертиза установила, что Нигматулин присваивал ткани не только в сентябре 1950 года, но и в течение октября 1950 года и всего причинил фабрике ущерб на сумму 21 214 руб.

73

Искусственно завышая метраж тканей, списываемых в производство, путем увеличения десятых долей метража на ярлыках, Нигматулин создавал резерв для хищений и от последнего куска каждой партии ткани отрезал часть, равную по метражу созданному резерву. Укороченный таким образом кусок материала сдавался Нигматулиным в производство фактическим метражем без номера.

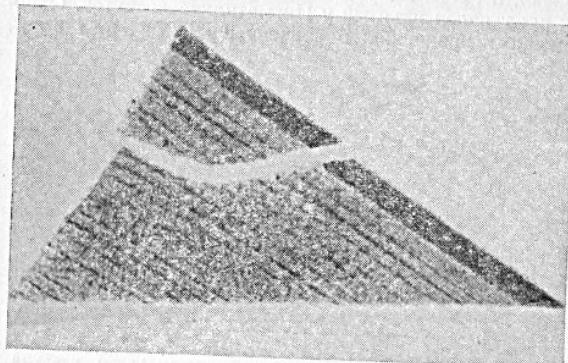

Фото № 5. Кусок ткани, изъятый у Боровкова, и приложенный к нему кусочек ткани, изъятый у Нигматулина.

Вследствие этого хищение трудно было вскрыть без сопоставления покинувших спецификаций фабрик-изготовителей с нарядами, выписанными на расход ткани в производство. Зная об этом, Нигматулин уничтожал спецификации и этим лишал бухгалтерию фабрики возможности уличить его в хищении.

Присваиваемые ткани Нигматулин отрезал обычно в складе подготовительного цеха, который днем не охранялся.

Всего Нигматулин, как было установлено следствием, похитил 122,8 м шерстяных тканей, 107,48 м хлопчатобумажных и шелковых тканей. На имущество Нигматулина, оцененное в 35 800 руб., был наложен арест.

Нигматулин осужден к лишению свободы.

Народный следователь прокуратуры
Сталинского района
г. Москвы
младший юрист
Б. А. ЗАМИХОВСКИЙ

ХИЩЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФИКТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В ряде случаев хищения промышленной продукции совершаются путем получения ее из промышленного предприятия по фиктивным документам от имени торгующих организаций. Этот вид хищений характерен тем, что соучастниками в преступлении являются, как правило, работники торговой сети.

Расследуя такие преступления, необходимо сочетать методику расследования хищений как в промышленных предприятиях, так и в торгующих организациях. Я хочу показать применение подобного рода методики на примере расследования по делу о крупном хищении кондитерских изделий с московской фабрики «Красный Октябрь».

17 ноября 1948 г. на складе «Главсахара» по доверенности № 1996 от имени московской продовольственно-технической базы конторы вагонов-ресторанов по наряду московской конторы «Главсахара» было получено 3630 кг сахарного песку на сумму более чем 39 тыс. руб. Сахар, как это значилось в документах, был получен Сахар, как это значилось в документах, был получен агентом Осташевым и вывезен с территории склада на грузовой автомашине, имевшей номер МЖ-85-31.

РЕПОЗИТОРИЙ ГИДРОГЕОДЕЗИИ

Вскоре контора вагонов-ресторанов на запрос склада сообщила, что сахар она не получала, доверенности для этой цели не выдавала и агент по фамилии Осташев никогда на базе не работал.

В связи с этим материал о получении сахара со склада «Главсахара» был передан в ОБХСС, где путем графической экспертизы установили, что доверенность и наряд являются фиктивными, а имеющиеся на них подписи должностных лиц — подложными и что печати и штампы поставлены с помощью клише, изготовленного преступниками. Было также установлено, что автомашины с номером МЖ-85-31 в Москве нет.

Выяснилось, что проживающий в Москве Осташев никакого отношения к хищению сахара не имеет, но что он незадолго до этого потерял паспорт, которым, видимо, и воспользовались преступники. Однако розыски их результатов не дали, и производство по делу было прекращено.

Месяц спустя в ОБХСС поступило сообщение о том, что таким же путем, т. е. по фиктивной доверенности на имя агента той же продовольственно-технической базы конторы вагонов-ресторанов Жучкова и по наряду № 3000 кг кондитерских изделий на сумму более чем 53 тыс. руб.

Розыски преступников и в этом случае результатов не дали.

После этого в ОБХСС поступили материалы об аналогичных преступлениях, совершенных в артели «Труд-трикотажных изделий на 200 тыс. руб., на маргариновом заводе, где был похищен маргарин, и др.

Анализ всех материалов свидетельствовал о том, что указанные хищения — дело рук организованной и опасной шайки расхитителей государственного и общественного имущества.

На следы преступников удалось напастить случайно.

26 февраля 1949 г. выстрелом в окно была ранена гр-ка Севастьянова, проживающая в д. № 19 по Б. Головину переулку. На месте преступления были замечены двое мужчин. Один из них скрылся, а второй был за-

76

держан. Назвав себя Хусановым, он на допросе заявил, что в окно стрелял его приятель — Закир Даутов.

Мотивы преступления остались невыясненными.

После длительного розыска в июле 1949 года Даутова задержали на квартире у его тетки. Он оказался человеком без определенных занятий. Обыском на квартире его тетки удалось обнаружить большое количество фиктивных бланков, клише печатей, штампов и справок. Среди фиктивных документов оказались и чистые бланки «Главсахара» с фиктивными печатями, печати и штампы базы конторы вагонов-ресторанов, а также Люберецкого отделения Продторга.

Все это говорило о том, что Даутов имеет отношение к изложенным выше хищениям.

На допросе Даутов признал, что хищения сахара, кондитерских изделий и трикотажа он совершил вместе с товарищем Люберецкого отделения Продторга Ивановым, шоферами Луньковым и Яскиным. Все похищенное, по показаниям Даутова, они завозили для реализации директору магазина № 3 Люберецкого отделения Продторга Реуф.

Выяснилось и что произошло на Б. Головином перекрестке. Оказывается, что член шайки Иванов проживал в доме № 19 по Б. Головину переулку, но этажом выше, чем Севастьянова, которая была ранена 26 февраля. Даутов стрелял не в Севастьянову, а в Иванова за то, что тот обманул его при дележе похищенного.

Согласно показаниям Даутова у Иванова также имелись фиктивные бланки, которые изготовлены им, Даутовым.

13 октября 1949 г., когда Даутов уже находился под стражей, из московского холодильника № 10 по фиктивным документам, составленным от имени ряда организаций, с приложением печатей, клише которых нашли у Даутова, было совершено хищение 2500 кг сливочного и русского масла, вывезенного на машине с номером МГ-90-52.

На основе этих данных и показаний Даутова были задержаны Иванов, Луньков и Яскин. Последние двое признались в хищении масла и указали, что оно завезено ими в магазин № 25 Ленинского райпищеторга. Часть похищенного масла и была там обнаружена.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУ

Директор магазина № 25 Бителева признала получение масла от Иванова и заявила, что часть этого масла передала директорам магазинов № 28 — Четверухи-Бондаренко и № 9 — Кузьмичеву.

Принятыми мерами все масло было обнаружено в этих магазинах. Что касается директора магазина № 3 признавалась в том, что приняла от Иванова и Даутова сахар и кондитерские изделия.

По делу было привлечено к ответственности и арестовано 15 человек.

В таком виде дело, по поручению прокурора г. Москвы, поступило для расследования ко мне.

На первый взгляд казалось, что преступники изобличены и вина их полностью доказана. Однако при изучении и анализе доказательств выяснилось, что кондитерские изделия и сахар не найдены, что способы в магазинах вырученных от продажи похищенного денег исключением эпизода с маслом, преимущественно, за знании обвиняемых. Кроме того, в деле оказалось много неясных вопросов. Например, ряд обвиняемых — директора магазинов — заявляли, что они не знали о хищениях, броски.

Предстояла большая работа по закреплению сознания обвиняемых, розыску похищенных и установлению причастных к преступлению лиц.

Дело было сложное, большое, преступники — опытные и опасные.

Я начал работу с установления автомашин, на которых вывозилось похищенное. Этот вопрос был очень важен, ибо номера автомашин, записанные в фиктивных накладных, не соответствовали номерам машин, находившимся в гараже, где работали Луньков и Яскин. Последние же, после того как дело поступило в прокуратуру, отрицали ранее данные ими показания о том, что знали о хищениях, и признавали себя виновными только в незаконном использовании автотранспорта.

В первых показаниях Яскина имелось указание на то, что номера автомашин переделывались в период хище-

78

ний. Эти показания были краткими, а у меня на допросе Яскин от этих показаний и вовсе отказался.

Несмотря на то, что после совершения преступления уже прошло немало времени, я решил выехать в гараж и осмотреть автомашины.

При осмотре одна из них — с номером МЖ-96-94 — показалась мне подозрительной, так как на бортах ее номер был написан свежими белыми красками. В результате осмотра машины с номером МЖ-96-94 было обнаружено, что на заднем борту, под крайней цифрой «4» имеется след от другой цифры «2», а под цифрой «6» — след от цифры «0». Кроме того, под второй цифрой «9» были заметны какие-то неразборчивые следы.

Результаты осмотра были зафиксированы в протоколе. Но этот протокол не мог удовлетворить меня, так как не было гарантии, что не допущено ошибки в описании закрашенных очертаний цифр. Требовалось экспертное исследование. С машины был снят и отправлен в криминалистическую лабораторию железный задний борт. Эксперт с помощью ацетона постепенно смывал краску и в результате выявил последовательное изменение номера машины.

Оказалось, что на борту первоначально был написан номер МЖ-96-94, затем этот номер был закрашен зеленой краской и написан номер МГ-90-52, т. е. тот, который был на автомашине во время хищения. Наконец, и этот номер был закрашен и написан прежний номер.

Затем я проверил паспорт автомашины и установил, что автомашине автоинспекцией дважды присваивались номера: первый номер был МЛ-77-33, а затем его заменили номером МЖ-96-94. Таким образом, цифр «0», «5», «2» и буквы «Г», имевшихся в подложном номере, в старых номерах этой машины не было.

Заключение экспертизы явилось убедительным доказательством факта переписки номеров автомашины.

Этапы процесса производства экспертизы были сфотографированы (см. фото №№ 1, 2, 3 и 4).

Особо следует отметить анализ фиктивных документов, при помощи которых было совершено хищение. Памятую, что не только эксперт, но, в первую очередь, следователь должен изучать первичные документы, каждый их штрих, каждую черточку, я уделил

79

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРФ

Фото № 1. Общий вид заднего борта грузовой автомашины.

Фото № 2. Фрагмент борта после промывки. Стрелками отмечены выявленные буквы М и Ж.

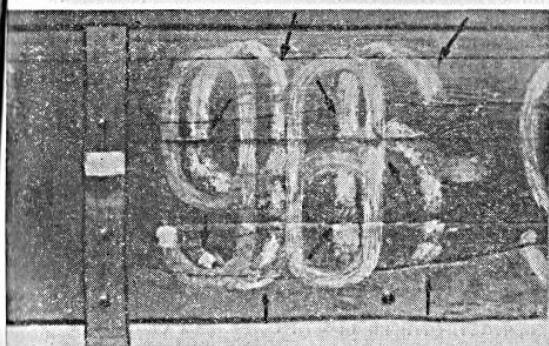

Фото № 3. Фрагмент борта после промывки. Стрелками отмечены выявленные цифры 96 и 90.

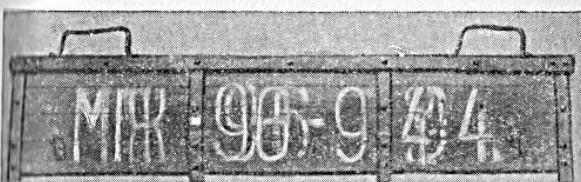

Фото № 4. Общий вид заднего борта автомашины после выявления номера.

Этому вопросу немало внимания, так как это зачастую помогает разоблачить преступников.

В деле, о котором идет речь, фиктивные документы занимали объемистый том. Много часов с лупой в руках пришлось провести за их исследованием: изучались в результате сопоставления отдельных разрозненных документов, попавших в дело из различных источников, удалось найти дополнительные доказательства вины обвиняемых. Мои подозрения подтвердила экспертиза документов.

Так, при обыске у Иванова были обнаружены две его характеристики с отисками печати конторы вагоноресторанов. Я сопоставил их с отисками печати, стоящими на фиктивных доверенностих, с помощью которых было совершено хищение сахара и кондитерских изделий, и пришел к выводу о их сходстве. Экспертиза подтвердила, что эти отиски печати оставлены одним клише, изготовленным Даутовым. Имея в виду его показания о том, что эти характеристики для Иванова изготовлены им, и учитывая, что Иванов отрицал какую бы то ни было причастность к этому делу, нетрудно понять, что такое заключение экспертизы явилось серьезной уликой против Иванова.

Изучение документов позволило правильно поставить вопросы эксперту, производившему графическую экспертизу, а это дало возможность быстро и доброкачественно провести графическую экспертизу и систематизировать документы.

Эксперт, производивший экспертизу документов, дал заключение о том, что отиски печати и штампа на бланке, обнаруженному у Даутова при обыске, и отиски печати штампа Люберецкого отделения Продторга на документах, по которым были похищены трикотажные изделия из артели «Трудвязь», сделаны одним и тем же клише, изготовленным преступником. Такое же заключение было дано и в отношении печатей на нарядах «Глассахара», с помощью которых преступники похитили сахар на складе «Глассахара».

Графическая экспертиза установила, что доверенности, наряды и расписки подделаны Даутовым.

Казалось, что вина Даутова целиком установлена. Однако я учитывал, что он может отказаться от ранее данных показаний. Это осложнило бы дело, ибо, как говорилось ранее, все фиктивные бланки были обнаружены не у самого Даутова, а у его тетки, в квартире которой он иногда бывал.

Чтобы отрезать Даутову все пути к запирательству, я решил произвести следственный эксперимент. Мне интересовало, может ли Даутов лично, как он говорил, изготавливать клише печатей. Я принес ему циркуль, карандаш, перо, лист бумаги и предложил нарисовать отиск печати Люберецкого отделения Продторга.

В присутствии понятых в тюремных условиях Даутов за полтора часа нарисовал этими примитивными средствами отиск печати. Рисунок этот был приобщен к делу.

Теперь не оставалось ни малейшего сомнения в том, что именно Даутов изготовил фиктивные документы, с помощью которых совершил крупные хищения государственного имущества. Этот эксперимент и приобщенные к делу диагпозитивы фиктивных клише имели важное значение при рассмотрении дела (см. фото №№ 5, 6).

Проверка каждого случая хищений производилась в отдельности. С этой целью я составил план расследования по эпизодам.

Напомню, что доказательством хищения сахара и кондитерских изделий по материалам дознания были лишь признания обвиняемых, а затем заключения графической и технической экспертиз документов. Важной задачей было установление места сбыта похищенного.

Директор магазина № 3 Люберецкого отделения Продторга Реуф показала, что сахар и кондитерские изделия были завезены к ней и что она их реализовала с помощью кладовщика Родина. Доказательств по этому эпизоду, кроме ее показаний, не было.

В связи с этим мной самым подробным образом были допрошены единственная продавщица магазина Прошакова и уборщица Зоткина. Эти свидетели подтвердили, что Иванов однажды привез им сахар и кондитерские изделия и что Родин взял к себе на склад часть кондитерских изделий. Однако Иванов на очной ставке со свидетелями заявил, что он как товаровед часто привозил

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

Реуф продукты, в том числе сахар и кондитерские изделия.

Тогда я задал Прошаковой и Зоткиной уточняющие вопросы о количестве привезенных Ивановым товаров. Они удостоверили, что Иванов один раз завез 30 мешков сахара и машину с кондитерскими изделиями.

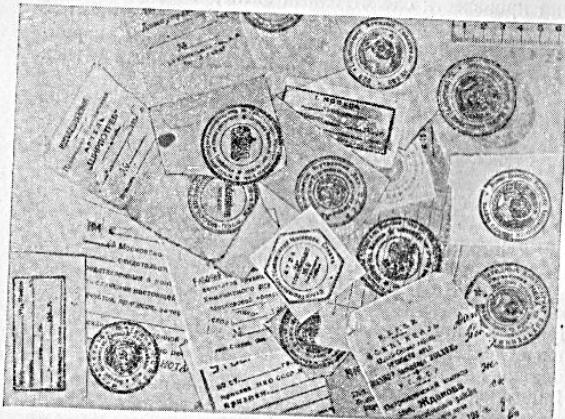

Фото № 5. Фиктивные документы и оттиски печатей, изготовленные обвиняемым Даутовым.

Тогда я достал справку из бухгалтерии о том, что обычно Иванов как товаровед привозил Реуф не более трех мешков сахара, а кондитерских изделий не завозил вовсе. Таким образом, свидетельские показания были подкреплены документом.

Но этого, на мой взгляд, было мало, ибо Иванов продолжал упрямо отрицать свою вину. Я решил проверить бухгалтерские документы магазина № 3. Эта проверка показала, что в магазине у Реуф находилось больше кондитерских изделий, чем значилось по приходным документам. Иными словами, имелись неоприходованные излишки кондитерских изделий, причем именно того

84

ассортимента, какие были похищены на фабрике «Красный Октябрь».

В результате осмотра помещений магазина № 3, где работала Реуф, было установлено, что помещения самого магазина и подсобных помещений крайне малы. Измерив эти помещения, я убедился, что все количество кондитерских изделий, которые были похищены на фабрике «Красный Октябрь» (три тонны), в магазине поместиться не могли. Стало ясно, что часть похищенного сбывалась в другие магазины. Их нужно было найти.

Работая с документами в бухгалтерии отделения Продторга, я обратил внимание на то, что ряд директо-

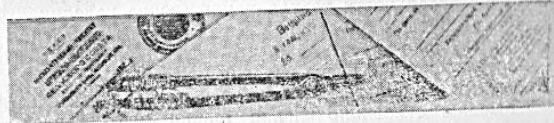

Фото № 6. Циркуль, которым орудовал преступник.

ров магазинов или уезжает в отпуск или увольняется. Это обстоятельство навело меня на мысль о том, что кондитерские изделия поступали во все магазины Люберецкого отделения Продторга и теперь директора магазинов скрываются от ответственности.

Опечатав документацию по всем магазинам Люберецкого отделения Продторга, я выехал в Москву для допроса Реуф. Последняя, почувствовав, что следствие находится на правильном пути, рассказала, что похищенные кондитерские изделия действительно поступали для реализации во все торговые точки Продторга.

Проверкой, а в дальнейшем бухгалтерской экспертизой было установлено, что в магазинах №№ 1, 4, 7 Люберецкого отделения Продторга имелись неоприходованные кондитерские изделия того же ассортимента, что и похищенные на фабрике «Красный Октябрь». Некоторые директора магазинов признались в том, что эти изделия им дал кладовщик Родин. У последнего при обыске мы нашли этикетки от кондитерских изделий, похищенных на фабрике «Красный Октябрь». Тщательный осмотр этих этикеток позволил установить, что на них имеется

85

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМР

дата изготовления товара, совпадающая с датой хищения.

Просматривая в Люберацах документы, я выявил, что Реуф после хищения кондитерских изделий часто выезжала на машине в другие города на ярмарки. В связи с этим возникла еще одна версия — версия о том, что Реуф продавала в этих городах похищенное. Осмотрев путевые листы автомашины, я увидел, что в одном из них записано, что Реуф возила в Коломну дрова. Возник вопрос: не было ли это маскировкой? Путем допроса свидетелей удалось установить, что перевозка дров была записана в путевые листы по просьбе Реуф, которая в действительности возила кондитерские изделия.

Допросом работников Коломенского отделения Продтогра было установлено, что Реуф продавала в Коломне именно кондитерские изделия.

Таким образом, замкнулась цепь доказательств, сковывавших воедино членов шайки расхитителей. Связь между Ивановым, Даутовым, Реуф, Родиным и директорами магазинов была непоколебимо подтверждена. Преступники были до конца разоблачены.

В результате расследования по этому делу я сделал для себя важный вывод: работа следователя по выявлению, собиранию и проверке доказательств на месте, где совершено преступление, приносит куда больше пользы, чем кабинетная работа. Такой метод — метод выезда на место преступления — я применял с успехом и в дальнейшем при расследовании по другим делам.

Хочу остановиться на вопросе, связанном с предъявлением для опознания обвиняемых.

Что делать в тех случаях, когда свидетели за давностью времени не могут опознать обвиняемого?

По настоящему делу обстоятельства сложились так: Даутов показал, что, похищая кондитерские изделия на фабрике «Красный Октябрь», он оформил все документы у работника экспедиции — «человека высокого роста, с седыми волосами». Он, как было установлено, оказался Подолинским, и Даутов опознал его. Однако Подолинский заявил, что не сможет опознать лицо, получившее товар по фиктивным документам.

Тогда я предложил Даутову подробно рассказать, как он получал кондитерские изделия на фабрике «Красный Октябрь». Даутов рассказал в мельчайших

подробностях обстановку и место расположения экспедиции фабрики «Красный Октябрь», описав приметы лиц, оформлявших ему документы, и места, где эти лица работали. На очной ставке с Даутовым Подолинский подтвердил правильность показаний Даутова в части описания обстановки, получения товаров по фиктивным документам и лиц, присутствовавших при этом, однако опознать Даутова за давностью хищения не смог.

В судебном заседании, когда Даутов, отказавшись от своих показаний, заявил, что он на фабрике «Красный Октябрь» не был, эта очная ставка наряду с другими доказательствами сыграла свою положительную роль как доказательство вины Даутова.

Расследуя эпизод о хищении 2,5 тонн сливочного и русского масла из холодильника № 10, я заинтересовался методом изъятия из магазина денег, вырученных от продажи этого масла. С этой целью необходимо было установить, имеются ли в магазинах, принявших масло, недостачи и знали ли директора магазинов о хищении. Естественно, что эти вопросы имели существенное значение для определения вины обвиняемых.

По данному эпизоду была проделана большая работа: допросы, осмотры, ревизии и различного рода экспертизы. Но мне хочется в порядке обмена опытом остановиться на том, как был изобличен Иванов. Он, как я отмечал, упорно отрицал всякую причастность к хищению. Поэтому нужно было проверить, где он находился за два-три дня до дня хищения и в день хищения.

Непосредственно на месте при осмотре документов мной было установлено, что Иванов в день хищения масла имел подлинную, законную доверенность на получение наряда на масло, но самого наряда не взял, а, продержав доверенность три дня, сдал ее обратно. Установив все это заранее, я задал Иванову вопрос, где он был в день хищения масла. Иванов, как я и ожидал, заявил, что он получал масло. Объяснение обвиняемого немедленно было опровергнуто мной документально. Иванов был разоблачен.

В процессе расследования был установлен еще ряд хищений, совершенных Даутовым, а также покушений на хищение, в частности, покушение на хищение шелкоткацкой ткани товаров на сумму 125 226 руб. на шелкоткацкой

фабрике, хищение трикотажных изделий в артели «Трудвязь» и др.

По делу было привлечено к уголовной ответственности 16 человек, составлявших организованную шайку и совершивших ряд крупных, заранее подготовленных хищений государственного и общественного имущества. Все обвиняемые были осуждены к длительным срокам наказания.

Расследуя это сложное и большое по объему дело, я многому научился. Мой опыт обогатился и помогает мне при расследовании по другим делам. Быть может, этот мой опыт поможет и другим следователям при расследовании ими хищений в промышленности, совершенных аналогичным путем.

Старший следователь прокуратуры
Московецкого района г. Москвы
юрист 2-го класса

В. А. ДВОРКИН

ТЩАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ РАСКРЫТИЯ ХИЩЕНИЙ

На чаеразвесочной фабрике имени Ленина Министерства пищевой промышленности СССР была произведена ревизия финансовой деятельности. Ревизия вскрыла переплату денег рабочим артели «Таганский транспортник» и многим штатным работникам фабрики.

Материал ревизии поступил в прокуратуру. Было возбуждено дело, расследование по которому прокурор района поручил мне.

Прежде всего я приступил к тщательной проверке фактов, выявленных ревизией. Ревизор сообщил мне, что по сигналам, которые были им получены, на фабрике систематически совершались хищения, однако при ревизии фактов хищений он установить не смог.

В процессе расследования отмеченные ревизором финансовые нарушения частично подтвердились, но они были не столь значительны, чтобы ставить вопрос о привлечении к уголовной ответственности директора фабрики. Вместе с тем уже на этом, первом этапе следствия я располагал показаниями ряда лиц, уволенных с фабрики,

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

о том, что директор фабрики Беленко, главный бухгалтер Головин и некоторые другие работники жили явно не по средствам.

Собранные доказательства свидетельствовали о том, что директор фабрики Беленко часто в рабочее время находился в столовой, где выпивал один и с друзьями. Однако конкретных фактов хищения ни один из допрошенных мной лиц на этом этапе следствия не привел. В то же время бывшие заместители директора фабрики Рабинович и Морковкин показали на допросе, что Беленко жил явно не по средствам и много пьянствовал.

Исходя из всего этого, можно было предполагать, что на фабрике не только нарушилась финансовая дисциплина, но также совершались при участии Беленко хищения. Я произвел у него на квартире обыск.

Беленко до этого неоднократно вызывался в прокуратуру и к обыску был, несомненно, подготовлен. Никаких ценностей на квартире у него обнаружено не было. Просматривая в процессе обыска альбом с фотографиями, я заметил несколько фотоснимков, на которых были изображены Беленко и другие лица в момент выпивки. Эти снимки были изъяты.

Ранее Беленко давал показания, что он не пьянствовал. После же обнаружения фотоснимков Беленко в этой части свои показания изменил.

Одним из участников выпивок, судя по фотокарточке, был директор столовой Первомайского треста столовых Никитин. В ранее полученных показаниях свидетелей также содержались указания на то, что Беленко был в дружеских отношениях с Никитиным.

Было решено проверить взаиморасчеты между чаеразвесочной фабрикой и столовой.

Прибыв на чаеразвесочную фабрику, я тщательно просмотрел карточку взаимных расчетов фабрики со столовой. На карточке значились суммы, перечисленные фабрикой на основании счетов, представленных столовой. По моему предложению мне были даны для просмотра все счета столовой.

В счетах указывалось, что столовая просит оплатить следуемое согласно договору за отпуск питания рабочим фабрики, а также за продукты, отпущенные на кормление сторожевых собак фабрики. Кроме счетов столовой, никаких других документов, подтверждавших и удосто-

верявших расход перечисленных денег, на чаеразвесочной фабрике не имелось. Однако несмотря на отсутствие обоснованных данных, проводкой главного бухгалтера Головина деньги, перечисленные столовой, были списаны фабрикой за счет накладных расходов по сырью. На мой вопрос, почему деньги списаны в расход при отсутствии документов, подтверждающих их расход, главный бухгалтер ответил, что соответствующие документы имеются в столовой. В столовой, как выяснилось, имелись акты, в которых значился отпуск продуктов для рабочих чаеразвесочной фабрики на определенную сумму. Подписи от имени рабочих в получении продуктов на актах, однако, имелись не во всех случаях. Акты были утверждены директором столовой и директором чаеразвесочной фабрики. В некоторых актах указывалось, что отпуск продуктов произведен для кормления собак.

На основании этих актов значительное количество продуктов было списано через буфет. Наименования, количество и стоимость отпущеных продуктов в актах указаны не были.

Поскольку деньги за отпущенное питание с рабочих в дальнейшем не удерживали, было очевидно, что перечисление денежных средств производилось незаконно. В столовой мной были изъяты все папки бухгалтерских документов, в которых имелись акты об отпуске питания чаеразвесочной фабрике. Одновременно я вызвал в прокуратуру для допроса заведующих производством и буфетниц столовой.

Заведующие производством и буфетчицы, которые производили отпуск продуктов за счет средств, перечисленных чаеразвесочной фабрикой, при допросе показали, что питание отпускалось исключительно для рабочих. Часть продуктов отпускалась для кормления сторожевых собак, принадлежавших фабрике, и акты составлены правильно.

В этом случае сказалась моя неподготовленность к этим допросам. Цель, которую я преследовал, состояла в том, чтобы получить показания о хищении продуктов, но акты были мной лишь поверхностно осмотрены, а не детально изучены. Поэтому конкретных вопросов свидетелям я поставить не мог. Стало ясно, что допросы эти были преждевременными и, естественно, что они не дали должных результатов.

После этого была назначена ревизия финансовой деятельности чаеразвесочной фабрики и столовой. Ревизию производили ведомственные ревизоры.

В акте ревизии чаеразвесочной фабрики ревизор указал, что денежные средства в сумме 68 973 руб. на питание рабочих перечислены незаконно, что ответственны за это директор фабрики Беленко и главный бухгалтер Головин.

Ревизор треста столовых в своем акте отметил, что в период трех последних лет чаеразвесочная фабрика перечислила на расчетный счет столовой № 539 68 973 руб. и что эта сумма полностью списана по актам за питание, отпущенное рабочим.

Таким образом было установлено явно незаконное перечисление средств.

Тщательное изучение акта ревизии столовой позволило прийти к выводу, что эта ревизия проведена поверхностно: ревизор не дал анализа движения продуктов по производству и буфету столовой, а также допустил ряд других ошибок. Отвергнув в силу этого выводы ревизии столовой, я назначил повторную ревизию. На этот раз я ежедневно лично проверял, что сделано ревизорами. Ревизорам же было предложено не только указать в акте замеченные ими нарушения, но по каждому интересующему меня разделу составлять подробные таблицы.

В таблицах ревизорами указывались отсутствующие реквизиты документов, количество отпущенных блюд из столовой, фамилии лиц, утвердивших документ, и лица, расписавшихся в получении продуктов.

Таким образом, я без обращения к подлинным документам мог по таблицам установить неправильное списание продуктов и лиц, ответственных за это. Брать объяснения от лиц, допустивших нарушения, ревизорам было разрешено только с моего ведома и в моем присутствии. Одновременно мной тщательно анализировались акты на списание столовой продуктов за счет средств чаеразвесочной фабрики и другие документы. Таких актов за два с половиной года набралось очень много — 12 папок. На осмотр и анализ этих документов пришлось затратить около семи дней, но это мероприятие себя оправдало.

В дальнейшем мне не приходилось прибегать к актам ревизии или экспертизы для уяснения назначения и ха-

92

рактера того или иного документа. Из отдела кадров чаеразвесочной фабрики мной были изъяты образцы подписей некоторых лиц. Сопоставляя подписи отдельных рабочих в актах о получении продуктов с указанными образцами, я пришел к выводу, что на большинстве актов подписи подделаны. Отобранные акты были направлены на графическую экспертизу, которая установила, что подписи на актах в получении продуктов на сумму 50 тыс. руб. действительно поддельные.

В ежедневных так называемых марочных отчетах производства, т. е. кухни столовой, указывалось наименование блюд, отпущенных за счет средств, перечисленных чаеразвесочной фабрикой. В отдельные дни количество блюд, значащихся отпущенными, доходило до 1000, в то время как на фабрике работало 100 человек. Ко многим марочным отчетам были приложены акты, в которых указывался отпуск продуктов для кормления сторожевых собак фабрики. В акте значилась лишь сумма, на которую были отпущены продукты. Наименования и количества продуктов не указывались.

При сопоставлении актов с марочным отчетом, в котором указывались наименования продуктов, было обнаружено, что собакам были отпущены такие блюда, как чай с сахаром, бутерброды, винегрет, пирожное, пиво и т. п.

Значительное количество продуктов за счет перечисленных чаеразвесочной фабрикой средств было списано с буфета. Проанализировав наименования продуктов, поступавших в буфет, я установил, что, кроме хлеба, вина, водки и кондитерских изделий, иных продуктов в буфете не было. Вместе с тем стоимость списанных продуктов по буфету за счет средств фабрики в отдельные дни достигала 2000 руб.

Проделанная мной работа привела к выводу, что работники чаеразвесочной фабрики по договоренности с сотрудниками столовой изымали из выручки столовой денежные средства, покрывая их средствами, перечисленными чаеразвесочной фабрикой, путем составления фиктивных актов об отпуске продуктов рабочим.

Директор чаеразвесочной фабрики, главный бухгалтер и буфетчицы были арестованы.

93

Буфетчица Симбирева, изобличенная вышеуказанными документами, показала, что действительно из выручки она систематически передавала деньги Никитину, который часть денег передавал Беленко.

Осмотр и анализ каждого документа, а также сопоставление документов позволили установить, что за время работы буфетчицы столовой Раковой ею было списано продуктов по актам за счет средств чаеразвесочной фабрики на сумму 25 051 руб. 51 к. Между тем допрошенные рабочие получение продуктов отрицали. На двух актах подписи рабочих Апекова и Морковкина графической экспертизой были признаны фиктивными.

Начальник пионерского лагеря Бубнов, подписавший акты в получении буфетной продукции на сумму 9045 р. 80 к., якобы для рабочих пионерского лагеря фабрики, признал, что из буфета получил лишь четверть водки для угощения администрации чаеразвесочной фабрики, а все акты о списании продуктов на остальную сумму подписал по указанию Беленко.

В результате было установлено, что продукты на сумму 25 051 р. 51 к. списаны на основании фиктивных актов.

Буфетчица Ракова, изобличенная этими доказательствами, признала, что отпуск продуктов для рабочих не производился, а деньги из выручки Никитиным изымались.

По другим актам, подписанным грузчиком чаеразвесочной фабрики Лагутиным, было списано продуктов на сумму 1797 р. 85 к.

В этих актах указывалось, что продукты отпущены бригаде такелажников, состоявшей из шести человек. Сопоставление акта с марочным отчетом показывало, что за два дня списано 50 первых блюд, 278 вторых, 530 закусок, 576 порционных блюд, 70 бутербродов, 35 пачек кофе.

Выходило, что на каждого рабочего за два дня списано примерно по 8 первых блюд, по 46 вторых блюд, 88 закусок, 12 бутербродов, 96 порционных блюд и по паре десятков стаканов кофе.

Естественно, что после установления этих фактов Лагутин вынужден был признать, что продуктов он не получал и что акт подписал по просьбе директора чаеразвесочной фабрики.

Заведующая производством Савилова при допросе заявила, что продукты были отпущены для устройства новогоднего вечера на квартире заместителя директора чаеразвесочной фабрики Морковкина. Правдивость показаний Савиловой была подтверждена показаниями других свидетелей, и Морковкин вынужден был признать, что для устройства новогоднего вечера у него на квартире, на котором присутствовали директор фабрики Беленко, директор столовой Никитин и другие лица, было израсходовано продуктов на сумму около пяти тысяч рублей.

Поскольку выручки в буфете столовой не хватало для удовлетворения потребностей Никитина и руководства чаеразвесочной фабрики, в преступные махинации были вовлечены заведующие закусочными Блюмкин, Зайцев и Меликова. Они выписывали накладные на отпуск водки в буфет столовой. Фактически же из выручки изымались деньги. На сумму изъятых денег выписывались бесстоварные накладные об отпуске водки в буфет столовой. Стоимость водки буфетчицей списывалась за счет средств чаеразвесочной фабрики.

Кроме того, было установлено, что бухгалтерами столовой Яворской, Рожковым, Лапидус, Зеленцовой и Мосиным были произведены разные списания за счет средств чаеразвесочной фабрики на сумму 219 499 р. 66 к.

Все эти расходы являлись незаконными для фабрики, поскольку никаких оснований к перечислению указанной суммы не имелось. Работники столовой использовали данные средства для покрытия внесметных расходов. Значительная часть этих денег была присвоена.

В течение года за счет средств чаеразвесочной фабрики сотрудникам столовой, помимо зарплаты, якобы за сверхурочную работу по обслуживанию работников фабрики было выплачено 13 413 р. 80 к., а за другой год — 25 426 р. 94 к.

Табели на производство сверхурочных работ отсутствовали. В производстве незаконной выплаты денег сотрудникам столовой руководство столовой было лично корыстно заинтересовано. Так, бухгалтером Рожковым было получено 257 р. 76 к., бухгалтером Лапидус 4182 руб., директором столовой Никитиным 3398 р. 25 к. Так же незаконно выплачивались значительные суммы калькулятору столовой Абрамовой.

Было установлено, что сверхурочные работы по обслуживанию рабочих фабрики не производились, так как в этом случае должны были работать и офицантты, и рядовые повара, и другие сотрудники столовой. Однако деньги за сверхурочную работу этим лицам не выплачивались.

Буфетчицы и заведующие производством признались, что полученные за сверхурочную работу деньги они передали Никитину.

Как буфетчицы столовой, так и заведующие закусочными признались в проведении незаконных операций. Единственно недостаточно полно доказанным оставалась передача денег директору чаеразвесочной фабрики Беленко и главному бухгалтеру Головину. Имелись показания, что директор столовой Никитин, получая у буфетчин деньги, часть их передавал Беленко и Головину. Однако Никитин отрицал не только передачу, но и получение денег.

Располагая сведениями, что Беленко бывал частым посетителем пионерского лагеря чаеразвесочной фабрики, где устраивал выпивки, я изъял все документы пионерского лагеря за последние два летних сезона.

Среди этих документов оказались счета на значительную сумму от имени разных лиц о производстве строительных работ в пионерском лагере, расположенному в Лопасенском районе Московской области.

Я выехал туда и допросом директора школы, где помещался пионерский лагерь, и ряда свидетелей установил, что строительные работы в пионерском лагере производили рабочие чаеразвесочной фабрики, а счета написаны от имени вымышленных лиц.

По возвращении в Москву я допросил рабочих фабрики, участвовавших в ремонте помещения пионерского лагеря, и установил по документам, что деньги по счетам рабочим, получавшим зарплату, дополнительно не выплачивались. Всего фиктивных счетов было изъято на 25 тыс. руб.

Под тяжестью собранных улик начальник пионерского лагеря Бубнов и завхозы Гейниш и Егоров вынуждены были признать фиктивность счетов. При допросе они показали, что часть присвоенных денег они передали Беленко и Головину.

Одновременно было установлено, что на бригаду грузчиков, бригадиром которых являлся Морковкин, тоже выписывались фиктивные наряды. Таким путем было присвоено еще 19 тыс. руб.

Бригадир грузчиков Морковкин признал, что он составлял фиктивные счета, а деньги передавал Беленко, главному бухгалтеру Головину и заместителю начальника отдела снабжения «Главчай» Сандкову. Фиктивность счетов была подтверждена показаниями грузчиков.

Таким образом, в результате тщательного анализа документов было вскрыто крупное хищение денежных средств, более чем на 817 тыс. руб.

Все привлеченные по этому делу к уголовной ответственности были осуждены Московским городским судом.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУИ

Начальник следственного отдела
прокуратуры г. Горького
советник юстиции
В. С. БАРКАЕВ

ХИЩЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ БЕСТОВАРНЫХ НАКЛАДНЫХ

В 1949 году Горьковский молочный комбинат Министерства мясной и молочной промышленности РСФСР некоторое время не оплачивал счета ряда организаций. Основными кредиторами были магазины, поставлявшие комбинату молочную тару, скupаемую у населения.

Бухгалтерский учет на молочном комбинате находился в неудовлетворительном состоянии, отчетность по складу тары отсутствовала. Тяжелое финансовое положение вызвано было, с одной стороны, неудовлетворительным руководством деятельностью комбината, а с другой — систематическими хищениями, совершаемыми группой бухгалтеров комбината, вступившими в преступный сговор с некоторыми работниками торговой системы.

На молочном комбинате постоянно имелось в обращении значительное количество стеклянной тары из-под молока, кефира и других молочных продуктов.

После реализации молочной продукции эта тара скапывалась у населения магазинами. В магазинах мясо-молочной промышленности тара учитывалась в суммовом выражении.

Это обстоятельство, а также другие недостатки в учете тары использовал с целью хищения старший бухгалтер молочного комбината Ястребцов.

Прием тары, поступавшей от торговых точек в тарный склад молочного комбината, оформлялся путем выписки приходной накладной в двух экземплярах с корешком, из которых один экземпляр накладной выдавался на руки сдатчику, второй — шел в бухгалтерию

молочного комбината, а корешок накладной оставался на складе тары.

Необходимо отметить, что нумерация приходных накладных на Горьковском молочном комбинате ежемесячно начиналась с первого номера.

Работник склада тары сдавал вторые экземпляры накладных в тарную группу бухгалтерии молочного комбината под расписку, без реестра и подсчета общего количества принятой тары и без указания ее ассортимента.

В нарушение существующих инструкций и положений заведующий тарным складом никаких отчетов в бухгалтерию не сдавал.

Ястребцов пришел к выводу, что накладные можно использовать для хищений путем приписок или замены накладных другими, фиктивными документами.

Для осуществления своего преступного замысла Ястребцов использовал книжку фирменных бланков накладных. Он заполнял накладные на якобы принятую тарным складом тару от работника торговой точки, с которым у Ястребцова была предварительная договоренность.

Фиктивная бестоварная накладная составлялась в двух экземплярах, произвольно нумеровалась и подписывалась от имени сдатчика.

От имени же приемщика Ястребцов подделывал подпись заведующего складом тары молочного комбината Колесова. Один экземпляр сфабрикованной бестоварной накладной выдавался на руки материально-ответственному работнику магазина, с которым, как выше отмечено, у Ястребцова была договоренность. Второй же экземпляр накладной Ястребцов оставлял у себя в бухгалтерии.

Материально-ответственный работник магазина на основе полученного экземпляра фиктивной бестоварной накладной списывал в расход соответствующее количество тары по своему товарному отчету. Вследствие этого в магазине образовывался излишек средств, который присваивался преступниками.

По отчету материально-ответственного работника бухгалтерия торга, в ведении которого находился магазин, выписывала счет молочному комбинату за сданную тару.

Предъявленный комбинату счет поступал к Ястребцову для проверки. Ястребцов, используя второй экземпляр фиктивной бестоварной накладной, оставшейся у него, прикладывал ее к счету, а затем подвергал установленной бухгалтерской обработке.

В дальнейшем Ястребцов вступил в преступную связь с заведующим магазином № 18 1-го Нагорного пищеторга г. Горького Исаичевым и его помощником Кузнецовым, от имени которых систематически фабриковал бестоварные накладные на якобы сданную магазином № 18 тару.

Стоимость тары, указанной в фиктивных накладных, Исаичев и Кузнецов списывали в расход по товарным отчетам магазина, а деньги вместе с Ястребзовыми присваивали.

Два месяца спустя Ястребцов, расширяя свою преступную деятельность, установил связь с заведующим магазином № 24 Ворошиловского торга Александриной и ее помощницей Матюшенко.

Круг лиц, которые втягивались в расхищение социалистической собственности, постепенно расширялся.

К 1949 году расхищение государственных средств путем списания с товарных остатков магазина стоимости якобы сданной тары производилось уже через ряд магазинов различных райпищеторгов и других торгующих организаций.

Ястребцов привлек в свою преступную группу старшего бухгалтера отдела сбыта Горьковского молочного комбината Баландина, который имел отношение к оплате счетов за тару.

Вступив в преступную группу, Баландин также стал фабриковать бестоварные накладные, по которым Ястребцов делал бухгалтерские проводки.

Путем фабрикации бестоварных накладных всего было расхищено 418 860 руб.

Указанные хищения государственных средств были вскрыты следующим путем.

7 января 1950 г. в бухгалтерию Горьковского молочного комбината от торга Ворошиловского района г. Горького поступили на оплату три счета — за №№ 68, 69 и 70 — за молочную тару, сданную магазином № 24 согласно накладной № 426 от 24 декабря 1949 г.

Поскольку бухгалтера тарной группы Ястребцова в то время на работе не было, отсутствие номера на накладной на сдачу молочной посуды вызвало сомнения у нового работника, производившего обработку счетов. Вызванный в бухгалтерию заведующий складом тары Колесов заявил, что накладная выписана не им и подпись его является поддельной. О фиктивности накладной было сообщено прокурору Ворошиловского района, который немедленно выехал на комбинат и изъял там заподозренную накладную для проверки.

Из товарных отчетов заведующего магазином № 24 1-го Нагорного пищеторга Александриной были изъяты все счета на тару, сданную на молочный комбинат. Вызванный в прокуратуру Колесов, осмотрев эти счета и соответствующие накладные, заявил, что некоторые из них являются фиктивными, так как его подпись на них подделана.

Произведенной графической экспертизой было установлено, что действительно подписи на накладных, указанные якобы заведующим складом Колесовым, являются фиктивными и выполнены Ястребзовыми.

На допросе в прокуратуре Ястребцов, видя, что он изобличен, признал себя виновным и рассказал о своих соучастниках.

После ареста Ястребцова, Александриной и ее помощницы Матюшенко органы милиции назначили ревизию и дело направили в прокуратуру.

Ввиду большой сложности дела дальнейшее расследование его было поручено старшему следователю т. Кирнусу. Последний прежде всего детально ознакомился с бухгалтерской отчетностью по сдаче тары. Для облегчения этой работы т. Кирнус завел папки на каждый магазин. В эти папки вкладывались фиктивные бестоварные накладные по данному магазину и выписки из показаний обвиняемых Ястребцова и Баландина в отношении обвиняемых — заведующих и помощников заведующих магазинами, а также другие документы, изобличающие обвиняемых в совершении преступления.

Такая система позволила т. Кирнусу сконцентрировать доказательства в отношении обвиняемых по каждой торговой точке и облегчила работу по изучению материалов и составлению плана расследования.

С целью получения дополнительных доказательств фиктивности бестоварных счетов т. Кирнус прибег к сопоставлению количества полученной магазином молочной продукции с количеством сданной магазином посуды. Оказалось, что сданной посуды было больше, чем получено.

Все обвиняемые были осуждены к лишению свободы на разные сроки.

Вскрытые следствием нарушения в постановке бухгалтерского учета и отчетности по приему тары, способствовавшие совершению преступления, были доведены до сведения Министерства мясной и молочной промышленности для принятия мер к их устранению.

Следователь прокуратуры
Калининского района
г. Ленинграда
юрист I-го класса
А. Ш. ПУХОВ И ЦКИИ

ВЫПОЛНЕНИЕ ЧАСТНЫХ ЗАКАЗОВ ИЗ МАТЕРИАЛА ЗАВОДА

В прокуратуру Калининского района г. Ленинграда поступило заявление одного из рабочих механического цеха оптико-инструментального завода о том, что в цехе систематически изготавливаются детали по неучитываемым частным заказам, а также о том, что административные работники систематически пьянистают.

Рабочий, по заявлению которого началась проверка, в своих объяснениях называл детали, которые в частном порядке изготавливались в цехе.

Прокурор района возбудил уголовное дело, расследование по которому было поручено мне.

Перед следствием возникла трудная задача: заявитель не мог сказать, кто именно указанные детали изготавливали, каким путем они выносились, для кого предназначались.

Щательно ознакомившись с материалами дела, я составил план первоочередных следственных действий, направленных прежде всего на проверку самого факта выполнения частных заказов из материалов завода.

Затем мной была организована экспертиза, которую я поручил главному технологу и начальнику планово-

РЕПОЗИТОРИЙ ГИ

производственного отдела одного из ленинградских заводов.

Вместе с этими экспертами и представителями дирекции оптико-инструментального завода я неожиданно для администрации механического цеха явился туда для тщательного осмотра. На некоторых автоматных станках были обнаружены и изъяты детали, на изготовление которых цех не имел нарядов. Пользуясь фотоаппаратом из следственного чемодана, я сфотографировал эти детали (см. фото №№ 1, 2, 3, 4, 5).

Перед экспертами мной была поставлена задача: дать заключение по всем изъятым деталям, определив, подлежат ли они изготовлению на данном заводе. Эксперты дали категорическое заключение, что, исходя из номенклатуры изделий и нарядов завода, изъятые детали никогда на заводе по нарядам не изготавливались и не должны были изготавливаться.

После изъятия деталей мной были допрошены рабочие цеха. Все они заявили, что указанные детали они изготавливали по заданию начальника автоматного участка Талалаева, мастера автоматного участка Воробьева и начальника цеха Феофанова. Несмотря на эти доказательства, Феофанов, Талалаев и Воробьев заявляли, что об изготавлении рабочими деталей по частным заказам им ничего не известно.

В связи с этим возникла необходимость узнать, для каких целей изготавливались посторонние детали, каким образом и куда сбывались. Я считал, что прежде всего надо установить назначение деталей, что позволит ориентироваться в вопросе о том, где искать заказчика.

С этой целью я вызвал в прокуратуру ряд специалистов, чтобы выяснить, для чего могут применяться такого рода детали. Специалисты долго осматривали детали, но ответа на поставленный вопрос дать не смогли, так как это были детали какого-то сложного механизма.

Одновременно с осмотром в цехе были произведены несколькими следователями обыски у всех лиц, имевших отношение к изготовлению посторонних деталей. Лично я произвел обыск на квартире Феофанова, прия к нему сразу же после осмотра в цехе.

Перед обыском у Феофанова я тщательно проинструктировал других следователей, принимавших участие в обыске, что именно искать и где искать. Специалист

104

Фото № 1. Детали для рулеток, изготовленные в цехе и проданные в артель «Стройтель».

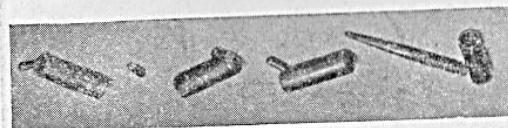

Фото № 2. Группа деталей, изготовленных на автоматном станке.

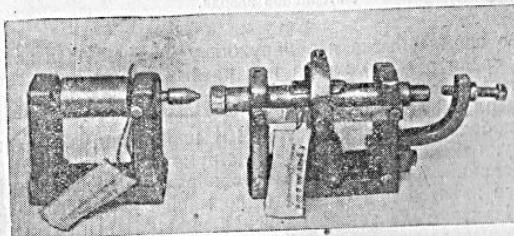
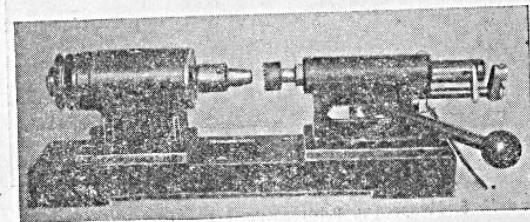

Фото №№ 3 и 4. Станки для вырезки пуговиц из кости, изготовленные в цехе в количестве 18 штук и проданные артели «Промпуговица».

РЕПОЗИТОРИЙ ГУРУ

фика производства обыска по этому делу заключалась в том, что следовало искать мелкие металлические изделия. Поэтому для более успешного обыска участники его ознакомились с продукцией цеха, с изъятыми деталями и их маркировкой. В задачу производивших обыски входило также искать записки, частную переписку и записные книжки, а также чертежи и схемы.

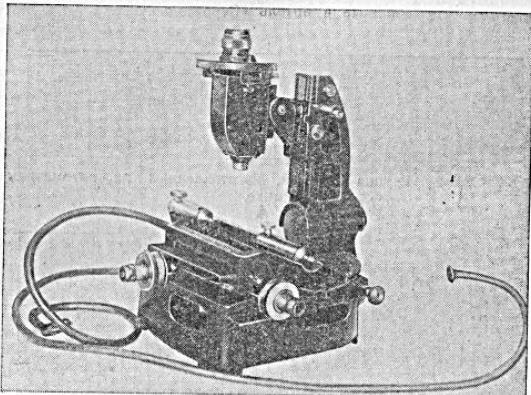

Фото № 5. Микроскоп, изготовленный по частному заказу из материалов завода.

Во время обыска я обнаружил у Феофанова в квартире среди разного хлама и в разных местах большое количество ценного заводского инструмента и материала: 10 сверл, 38 лерок, 48 метчиков, 27 резцов, 52 пластинки из «победителя», 4 микрометра, 101 напильник, 3 дрели, 3 штуки тисков и ряд других инструментов, всего 150 наименований. Кроме того, было обнаружено 67 чертежей.

Все изъятое при обыске было мной сфотографировано. Изъята была также записная книжка Феофанова и некоторые другие его записи.

Все изъятое было подробно осмотрено с участием постых, описано в протоколе осмотра, опечатано и приоб-

щено к делу в качестве вещественных доказательств специальным постановлением.

Изъятые инструменты были предъявлены начальнику центральной инструментальной кладовой, кладовщику механического цеха и другим работникам завода. Все инструменты по имеющимся на них заводским клеймам были опознаны и признаны заводским имуществом.

После обыска мной были изучены записи, имевшиеся в записной книжке Феофанова. Там имелись записи телефонов без указания, однако, фамилий их владельцев и в большинстве случаев без указания адресов. Через администрацию телефонной станции удалось узнать, кому принадлежат эти телефоны. Их владельцы были мной вызваны в прокуратуру.

Одновременно путем допроса Феофанова и через адресный стол я узнал адреса и места работы лиц, фамилии которых были помещены в записной книжке Феофанова. Этих людей я тоже вызвал в прокуратуру.

Ко мне начали приходить люди всевозможных профессий. Среди них были повара, портные, председатели правлений и технические руководители артелей. Всех их я спрашивал, что для них было изготовлено Феофановым. Ответы давались разные. Технорук артели «Строитель», например, заявил, что Феофанов изготовлял у себя в цехе и приносил в артель «Строитель» детали и штампы для рулеток. Другой свидетель сообщил, что для артели «Металлотруд» Феофановым были изготовлены наконечники и кнопки для автоматического карандаша.

Чтобы подкрепить свидетельские показания, я изъял из отдела охраны завода журнал, где регистрировались все посетители механического цеха. По журналу я установил, что туда проходили: главный инженер парфюмерной фабрики, технорук металлоштамповочного завода, начальник мастерских «Трудотерапия», главный инженер артели «Граммофон», главный инженер промкомбината Свердловского района и многие другие.

Эти люди были мной вызваны в прокуратуру. Их допросом я установил, что инструментальный участок механического цеха изготавливал штампы для петель и вырубки зубьев пил, ножовки и станки для инструментальных микроскопов, штампы для вырубки зубных коронок из нержавеющей стали и много других деталей.

Путем изучения записей и чертежей, изъятых при обыске у Феофанова, я установил, что Феофанов вместе с другими работниками механического цеха изготавливали детали и штампы для промкомбината Свердловского района, для завода «Северный пресс», для артелей «Промпуговица», «Граммофон», «Металлоштамп» и других.

При этом я немедленно выезжал в перечисленные организации и изымал там документы, касавшиеся изготовления работниками механического цеха деталей, штампов, приборов и т. п.

Были произведены обыски и в цехах промкомбината Свердловского района, металлоштамповочного завода и других промышленных предприятий, куда Феофанов сбывал штампы и иные изделия. Во время производства обысков были обнаружены маркировочные штампы завода, о работниках которого я вел дело. Назначенная криминалистическая и техническая экспертизы подтвердили принадлежность этих штампов оптико-инструментальному заводу.

Из всех организаций, для которых изготавливались данные изделия, были получены справки о том, что материала на эти изделия они не имели.

Техническая экспертиза дала заключение о том, что обнаруженные детали — штампы, инструментальный микроскоп и пр. — не могли быть изготовлены в артелях «Металлтруд», «Строитель», «Граммофон» и «Промпуговица», в промкомбинате Свердловского района, металлоштамповочным заводом и в мастерских «Трудтерапия» на имевшихся в этих промышленных предприятиях станках, а также в домашней обстановке.

Возник вопрос, как мог Феофанов выносить с завода похищаемые детали. Система пропусков исключала эту возможность. Осмотром механического цеха и всех прилегающих к нему помещений было установлено, что незаконно изготовленные в цехе штампы и детали выносились через специально проделанное отверстие в двери, ведущей из механического цеха в общежитие завода, где жил один из соучастников хищений — Лабазников. Штампы и детали, переданные из цеха в общежитие, затем свободно выносились на улицу, так как вход и выход из общежития завода производился без пропусков. Специально проделанное отверстие для выноса незаконно

изготовленной продукции мной было сфотографировано (см. фото № 6).

Заключением бухгалтерской экспертизы было установлено, что путем незаконного изготовления различных

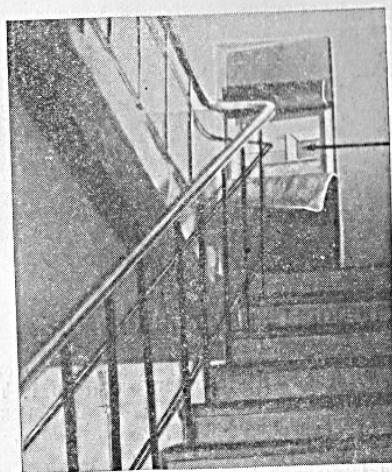

Фото № 6. Отверстие, через которое выносились заказы, изготовленные в цехе.

деталей в рабочее время и из материалов завода преступники причинили ущерб заводу более чем в 300 тыс. руб.

Принятыми мерами было выявлено имущество обвиняемых.

Ущерб, причиненный заводу, удалось возместить.

Следователь по важнейшим делам
Прокуратуры Грузинской ССР
юрист 1-го класса
Г. В. ЭКВТИМИШВИЛИ

СПОСОБЫ ХИЩЕНИЯ ПРЯЖИ

В связи с поступившими в органы милиции сигналами о спекулятивной деятельности жителя г. Тбилиси Амашукели у него на квартире произвели обыск, которым было обнаружено 96 кг шерстяной пряжи, 100 кг вискозы и 20 кг трикотажной пряжи.

Милиция возбудила уголовное дело, расследование по которому в дальнейшем производилось народным следователем прокуратуры Пригородного района г. Тбилиси.

Дело, однако, было прекращено, так как заместитель директора производственного комбината райпотребсоюза Даушвили представил в прокуратуру справку о том, что найденная при обыске у Амашукели пряжа принадлежит комбинату.

В справке указывалось, что в период получения пряжи с тбилисской суконной фабрики трикотажный цех был закрыт, а так как Амашукели проживает вблизи от цеха, то пряжу и привезли к нему на квартиру.

Для большей достоверности к справке были приложены счет № 675 и фактура № 235, подтверждавшие отпуск суконной фабрикой производственному комбинату

указанного количества пряжи, а также расписка жены Амашукели в приеме пряжи на хранение.

Через четыре месяца после прекращения дела в анонимном письме на имя прокурора республики сообщалось, что дело по обвинению Амашукели прекращено неправильно, так как документы, представленные Даушвили в районную прокуратуру, подложные и были сфальсифицированы уже после задержания Амашукели.

Прокурорская проверка подтвердила факт подложности счета и фактуры, в связи с чем постановление о прекращении дела было отменено. Дальнейшее расследование было поручено мне.

Изучение дела ясно показывало, что имело место хищение пряжи. Об этом свидетельствовал и тот факт, что Амашукели, узнав о возобновлении производства по делу, скрылся.

Прежде всего в соответствии с разработанным мной планом я стал исследовать обстоятельства совершения подлога счета и фактуры, представленных в прокуратуру, одновременно выявляя лиц, с которыми Амашукели был в приятельских отношениях.

Для выяснения происхождения пряжи, изъятой при обыске у Амашукели, была организована судебно-товарищеская экспертиза.

Экспертиза установила, что обнаруженная у Амашукели пряжа является продукцией тбилисской суконной фабрики; трикотажная пряжа изготовлена тбилисским трикотажным комбинатом, а вискоза (искусственный шелк) хотя в Тбилиси и не производится, но в большом количестве получается для переработки тбилисской шелкоткацкой фабрикой.

Эти данные ориентировали меня на поиски следов хищения на указанных тбилисских фабриках. Мне было известно, что пряжа государственным и кооперативным организациям выдается только по нарядам. Отпуск пряжи, как отмечалось в актах ревизии Министерства легкой промышленности Грузинской ССР, осуществлялся указанным предприятиям правильно, и никаких злоупотреблений при отпуске продукции ревизоры не устанавливали.

Тогда я решил проверить, доходит ли отпущеная пряжа до предприятий, которые значились ее получателями.

Приступив к проверке фактур в трикотажном комбинате, я выяснял, была ли оплачена стоимость пряжи получающими организациями и представлялись ли ими доверенности. Одновременно среди лиц, фигурирующих в довереностях получателями пряжи, я искал тех, которые были записаны у меня как приятели Амашукели.

Проработав в этом направлении несколько дней, я обратил внимание на счет № 1072, согласно которому с тбилисского трикотажного комбината тбилисской суконной фабрике по доверенности № 125 от 5 декабря было отпущено 2000,9 кг хлопчатобумажной пряжи стоимостью в 28 440 руб. Доверенность свидетельствовала о том, что пряжа была получена неким Шалва Нозадзе, который числился в моем списке как приятель Амашукели. Кроме того, мне было известно, что работал Нозадзе не на суконной фабрике, а ткачом производственного комбината тбилисского райпотребсоюза. На суконной фабрике, для которой Нозадзе получал пряжу, она не числилась оприходованной, а доверенность от 5 декабря за № 125 не была проведена по регистрационной книге фабрики. О подложности доверенности № 125 красноречиво свидетельствовал и тот факт, что датирована она была 5 декабря, т. е. в праздничный день — день Конституции СССР, когда суконная фабрика не работала и никакие доверенности не выписывались.

Стоимость этой пряжи — 28 440 руб., естественно, должна была оплатить трикотажному комбинату суконная фабрика. Однако эта сумма главным бухгалтером суконной фабрики Сихарулидзе была перечислена почету не трикотажному комбинату, а шелкоткацкой фабрике, которая никакой пряжи не отпускала. Главный бухгалтер шелкоткацкой фабрики Джаджанашвили не удивился такому странному перечислению на счет фабрики крупной суммы денег и вскоре сам перечислил ее, хотя и по назначению — трикотажному комбинату, но уже не за пряжу, а за какие-то «детали машин».

Из всего этого мне стало ясно, что в хищении принимают участие главные бухгалтеры Сихарулидзе и Джаджанашвили, которые скрывают следы хищения в ложных взаиморасчетах.

Изъяв соответствующие бухгалтерские документы, я назначил судебно-бухгалтерскую экспертизу, поставив

перед ней вопрос о правильности проводок по взаимным расчетам суконной и шелкоткацкой фабрик.

В результате сличения и бухгалтерского анализа этих проводок экспертизой были признаны неправильными такие бухгалтерские операции:

1. По наряду Министерства легкой промышленности Грузинской ССР на имя транспоргснаб на получение 2500 кг шерстяной пряжи с суконной фабрики пряжу получил тот же Нозадзе. В транспоргснаб пряжа не поступила, и оплата ее фактически не производилась, но главный бухгалтер суконной фабрики Сихарулидзе стоимость отпущененной пряжи — 144 180 руб. — выставил на счет шелкоткацкой фабрике. Главный же бухгалтер шелкоткацкой фабрики Джаджанашвили эту сумму совершил неосновательно списал как убыток.

2. По распоряжению Министерства легкой промышленности Грузинской ССР на имя транспоргснаба Нозадзе получил с шелкоткацкой фабрики 1395,6 кг хлопчатобумажной пряжи. В транспоргснаб пряжа не поступила, и стоимость ее — 36 976 руб. — главный бухгалтер шелкоткацкой фабрики Джаджанашвили выставил на счет суконной фабрике, а бухгалтер суконной фабрики на эту сумму сделал перечисление... в парфюмерторг, указав в экземпляре платежного поручения, оставшегося на фабрике, что перечисление сделано якобы транспоргснабу за хлопчатобумажную пряжу. В парфюмерторге же на 36 976 руб. был получен различный товар по фиктивной доверенности соучастниками Сихарулидзе.

Отнесение стоимости похищенного товара одной фабрикой на счет другой путем перечисления должно было вызвать расхождение в их взаимных расчетах. Для скрытия этих расхождений главный бухгалтер шелкоткацкой фабрики Джаджанашвили относил выявленную в конце года разницу во взаимных расчетах на убытки.

После того как злоупотребления с использованием бухгалтерского учета были установлены, удалось разоблачить большую группу расхитителей социалистической собственности, которые ухищренными способами расхищали хлопчатобумажную и шерстяную пряжу и вискозу.

Следствие установило, в частности, что похищенную пряжу обвиняемые отвозили на улицу Эристави 10, в специально заарендованный склад, а также на квар-

тиру Амашукели, проживающему в доме напротив этого склада, и продавали ее по спекулятивным ценам.

Помимо этого, преступники организовали в трикотажном цехе производственного комбината райпотребсоюза изготовление из похищенной пряжи различных трикотажных изделий, которые сбывались ими на базарах Тбилиси.

Характерно, что при производственной мощности цеха в десять тонн пряжи в год было переработано законно полученной пряжи только 1700 кг, а похищенной пряжи около четырех тонн.

Выяснилось также, что пряжа, обнаруженная на квартире Амашукели, была остатком похищенной пряжи. Чтобы скрыть следы преступления, в день задержания Амашукели Даушвили при участии Сихарулидзе оформил подложные документы о принадлежности продукции комбинату.

Всего было расхищено на суконной, шелкоткацкой и трикотажной фабриках и трикотажном комбинате шерстяной продукции, хлопчатобумажной пряжи, натуральной шерсти-сырца и искусственных шелковых ниток-вискозы на сумму 395 199 руб.

На вырученные деньги обвиняемые Амашукели, Нозадзе, Сихарулидзе и другие приобретали дачи, легковые автомашины, дорогую мебель.

Ущерб, причиненный преступниками государству, был возмещен путем изъятия и наложения ареста на большое количество ценных вещей, обнаруженных мной при обысках у Амашукели, Сихарулидзе, Нозадзе и др.

Приговором Верховного суда Грузинской ССР преступники были осуждены по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к длительным срокам лишения свободы.

Народный следователь прокуратуры
Слуцкого района
Бобруйской области Белорусской ССР
юрист 2-го класса

Н. Я. КОКОРИН

КАК БЫЛИ РАЗОБЛАЧЕНЫ ХИЩЕНИЯ

Неоднократные указания Генерального Прокурора СССР требуют от нас инициативной борьбы с хищениями социалистической собственности. Мы, следователи, должны усилить свою бдительность в деле охраны социалистической собственности и уметь замечать самые ничтожные признаки хищений. Даже если прямых признаков хищения в начале следствия и не усматривается, версия о возможности хищения должна быть предусмотрена при расследовании преступлений, связанных с небрежностью или недобросовестным отношением должностных лиц к сохранению государственного и общественного имущества.

При возбуждении уголовного дела об аварии парового котла на Слуцком маслосырзаводе, а также на первом этапе следствия не было никаких оснований предполагать наличие хищений на заводе.

Авария была весьма тяжелой по своим последствиям. Котел был полностью выведен из строя и возможность восстановления его исключалась. Производство частично было приостановлено. Происшествие случилось в смену старшего кочегара Прими.

Пренебрегая порученными ему обязанностями, Прима, как это и раньше бывало, ушел из котельной, чтобы

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРЭ

отнести к себе домой корм для свиней. Он никого не предупредил о своем уходе. Пока Прима отсутствовал, вода в котел, находившийся под парами, не поступала, и уровень ее снизился ниже предельного. К моменту возрвщения Примы котел сильно раскалился. Вопреки правилам технической эксплуатации Прима, кочегар с 19-летним стажем, пустил воду в раскаленный котел. Это вызвало его аварию. Чтобы скрыть причины аварии, Прима испортил питающий клапан котла. Объясняя причину аварии, Прима заявил, что вода в котел не поступала именно из-за этого.

Действительные причины аварии были установлены инспекцией котлонадзора, показаниями свидетелей, а косвенно также и показаниями самого Примы.

Одним из центральных вопросов следствия по данному делу был вопрос о наличии у Примы умысла вывести котел из строя. Поэтому я приступил к выяснению всех обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого Примы, и установил, что он в прошлом был осужден за контрреволюционное преступление. Это обстоятельство явилось основанием для производства обыска в доме обвиняемого. Однако никакой компрометирующей переписки и ничего другого, что могло бы характеризовать личность обвиняемого, при обыске обнаружить не удалось.

Продолжая изучение личности Примы, я допросил ряд свидетелей.

При допросе директора завода я спросил его, не было ли случаев хищения Примой социалистической собственности.

Директор завода вспомнил, что летом предыдущего года, когда заводская крыша покрывалась оцинкованным железом, неизвестно ком было похищено два рулона этого железа. Подозревали, что кражу совершил Прима, но доказательств не было.

Имея в виду это обстоятельство, я решил произвести у Примы повторный обыск, направленный на этот раз на поиски какого-либо имущества завода.

Во время обыска у Примы в кладовой было обнаружено три небольших скрутка кровельного железа, которые по форме, цвету и марке соответствовали заводскому.

В сарае под дровами я обнаружил целый рулон железа и 35 скруток от нарезанного на части еще одного рулона.

Всего было найдено 202 кг оцинкованного железа.

Кроме того, около сарая, под навозом было найдено 1620 кг каменного угля разных сортов, а на усадьбе в картофельной ботве оказались спрятанными четыре новые фляги и два ушата с метками завода. Наконец, на чердаке дома было обнаружено 200 кг цемента и 160 листов железа с заводской крыши, заводской инструмент и детали машин маслосырзавода.

Все обнаруженное при обыске имущество оказалось принадлежащим заводу. Это было подтверждено составлением образцов железа, обнаруженного у Примы, с образцами заводского железа.

Несомненно, что и при первом обыске у Примы я не должен был ограничиваться поисками только переписки и документов, характеризующих личность обвиняемого. Повторный обыск у него убедил меня также в том, что по-настоящему успешным обыском может быть только при том условии, когда следователь знает, что именно надо искать. Это помогает ориентироваться и в том, где и как надо производить поиски.

Прима сначала отрицал хищение заводского имущества. Однако допросы свидетелей, протоколы опознаний и другие материалы дела полностью изобличили его, и, в конце концов, поняв это, Прима признал, что систематически, на протяжении двух лет совершал хищения заводского имущества. Обвиняемый дал показания, полностью подтвержденные другими доказательствами по делу.

В ходе следствия были приняты меры для обеспечения гражданского иска путем наложения ареста на имущество Примы. Суд приговорил расхитителя к строгому наказанию.

По материалам следствия были привлечены к дисциплинарной ответственности работники завода, по вине которых допускались нарушения трудовой дисциплины и не принимались меры к сохранению имущества завода.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

В районной газете была напечатана моя статья «Раочник тель социалистической собственности и дезорганизатор производства разоблачен и наказан».

Расследование и рассмотрение дела в суде произведено было в короткие сроки: менее чем через месяц с момента аварии котла по делу был вынесен приговор.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Особенности расследования хищений в промышленности, раскрытие в результате изучения технологии производства, К. Е. Бовтик	3
Планирование работы следователя, Н. С. Попкова	10
Разоблачение хищений на Июземцевском винзаводе, А.Л. Вещагин	18
Злоупотребления, скрывавшие хищения, В. И. Кунгурцев	33
Как было раскрыто хищение на мелькомбинате, О. М. Горбелеев	44
Способ хищения растительного масла, А. С. Гомберг	49
Методы раскрытия крупного хищения денежных средств в промышленном предприятии, И. А. Минаков	54
Использование в целях хищений недостатков в учете тканей, К. А. Жуков	60
Хищения с использованием фиктивных документов, Б. А. Замиховский	69
Тщательный анализ документов как тактический прием раскрытия хищений, В. А. Дворкин	75
Хищения с помощью бесцварных накладных, В. С. Баркаев	89
Выполнение частных заказов из материала завода, А. Ш. Пуховицкий	98
Способы хищения прижи, Г. В. Эквтимшили	103
Как были разоблачены хищения, И. Я. Кокорин	110
	115

В настоящем выпуске «Следственной практики» 35 иллюстраций.

ПОПРАВКА

В восьмом выпуске «Следственной практики» на стр. 126 в статье проф. А. А. Понятковского имеется ошибка: напечатано «ст. 69 УК РСФСР», следует читать—«ст. 60 УК РСФСР».

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

Редактор *М. М. Левина*
Технический редактор *Е. Н. Косарева*
Корректор *Т. Н. Маннина*

*
Сдано в набор 10/X 1951 г.
Подписано к печати 14/XII 1951 г.
А09921. Бумага 84×108^{1/2}=1,9 бум. л.
Печ. л. 6,15. Уч.-издат. л. 6,05
Зак. 755. Тираж 8000
Бесплатно рассыпается по списку

*
20-я типография „Союзполиграфпрома“
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Ново-Алексеевская, 52